

Даниэла
СТИЛ

Наваждение

Даниэла Стил
Наваждение
Серия «Призрак тайны», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122974
Даниэла Стил. Наваждение: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 5-04-005559-5

Аннотация

На склонах горнолыжного курорта встретились два одиноких человека, переживших крах личной жизни. Франческа Виронэ и Чарли Уотерстоун уверены, что больше никогда не осмелятся полюбить. История Сары Фергюсон, удивительной женщины, которая не побоялась все начать сначала, помогает им освободиться от призраков прошлого и найти свое счастье. Начало истории Чарли и Франчески – в романе "Призрак тайны".

Книга также вышла под другим названием: «Расставаясь с прошлым».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Даниэла Стил

Наваждение

Пролог

После разрыва с женой Чарли Уотерстоун долго не мог прийти в себя. Снова и снова он пытался разобраться в том, что произошло между ним и Кэрол. Почему она так с ним поступила? Кто дал право этому подонку Саймону вмешиваться в их с Кэрол отношения? Но в глубине души Чарли прекрасно понимал, что Саймон скорее всего ни в чем не виноват, а это означало, что винить во всем он должен только самого себя.

В один миг рухнула вся его жизнь. И Чарли решил бросить все, даже работу, которая стала ему ненавистна. Формально Чарли считался в отпуске, но он знал, что больше не вернется в Нью-Йорк, да и в Лондоне, где он прожил почти десять безоблачно счастливых лет, делать было больше нечего. Он не волновался по поводу своей карьеры дизайнера. Чарли был убежден, что, останься он в Нью-Йорке, эта дурацкая работа прикончит его как профессионала гораздо вернее, чем годы бездействия. Лучшие он будет преподавать архитектуру в каком-нибудь колледже.

Впрочем, на ближайшие полгода он запланировал для себя лыжные прогулки и путешествия; Чарли давно лелеял мечту отправиться в путешествие по странам Европы, чтобы осмотреть все старинные замки, достойные внимания. Кроме того, он подумывал о том, чтобы взяться за кисть и написать маслом несколько картин. Раньше у него на это вечно не хватало времени.

Но что ему делать теперь? До Рождества оставалась всего неделя. Это должно было быть первое Рождество, которое он встретит один – без Кэрол! Самым разумным казалось уехать недели на две отдохнуть, покататься на горных лыжах.

На всякий случай Чарли заказал карты Вермонта, Нью-Гемпшира и Массачусетса. Горнолыжное снаряжение можно было взять напрокат прямо на месте, поэтому заранее беспокоиться о нем Чарли не стал.

Чарли чувствовал себя как мальчишка, решивший удрать на Дикий Запад. Он только что послал к черту блестящую карьеру, но, как ни странно, нисколько об этом не жалел. Должно быть, он спятил, и это было... прекрасно!

Итак, он упаковал вещи, взял напрокат машину и направился к ближайшему выезду на федеральное шоссе. У развязки он ненадолго остановился и разложил на коленях карты. Куда он поедет, Чарли не знал. Может быть – в Вермонт? Насколько он помнил, в Вермонте не было недостатка в головокружительных склонах, к тому же место это было не слишком посещаемое.

Чарли знал, главное – не оглядываться назад. Там не было ничего такого, о чем следовало пожалеть или взять с собой. Взгляд его был устремлен вперед, а по лицу блуждала улыбка. У него не было ничего. Ничего, кроме будущего.

* * *

Прибавив скорость, Чарли внимательно смотрел на дорогу. Машина прекрасно слушалась руля, и Чарли подумал, что впервые в жизни он сам вершит свою судьбу.

До границы штата Вермонт оставалось совсем немного, и Чарли надеялся добраться туда засветло. Снег продолжал сыпать так же густо, видимость упала, и дорога

стала небезопасной. Показался залепленный снегом указатель: «Добро пожаловать в Шелбурн-Фоллс».

Это был небольшой аккуратный не то городок, не то поселок, примостившийся у склона горы в долине. Место было открытое, снежная буря бушевала здесь с особенной силой, и Чарли вынужден был расстаться с мыслью сегодня добраться до Вермонта. Ехать дальше не стоило – по такой погоде это было даже рискованно.

Неожиданно он заметил аккуратный домик. На калитке висела небольшая табличка: «Палмер: ночлег и полупансион». Это было как раз то, что нужно.

Хозяйкой пансиона оказалась очень милая, пожилая леди. Глэдис Палмер вот уже семь лет сдавала комнаты гостям, и хотя деньги для нее были не самым последним делом, общение было гораздо важнее. К сожалению, гости бывали у нее по большей части летом, поэтому приезд Чарли стал для нее настоящим подарком судьбы.

Глэдис сразу прониклась к нему симпатией. Ей очень давно не встречался человек, который бы так пришелся ей по сердцу. Она знала, что может предложить ему. Тепло ее дома и тепло ее сердца, убежище от непогоды и утешение в невзгодах – Чарли отчаянно нуждался во всем этом, когда постучался к ней в дверь. Но и сама она не только давала, но и получала. После того как трагически погиб ее сын вместе с женой и маленькой дочерью, зима – в особенности Сочельник, канун Рождества, – стала для нее самым трудным временем года. В эти холодные месяцы она чувствовала себя особенно одиноко и была рада отвлечься от своих горестных воспоминаний. Глэдис предложила Чарли остаться и на Рождество, и тот с радостью согласился, без колебаний изменив свои планы.

Узнав, что Чарли архитектор, Глэдис показала ему дом, построенный в стиле шале, доставшийся ей в наследство, который был особенно дорог ее сердцу. Чарли сразу влюбился в этот дом. Ему не терпелось узнать про него как можно больше, и Глэдис рассказала все, что ей было известно. Этот дом построил в 1792 году хорошо известный в здешних местах французский дворянин для своей возлюбленной Сары Фергюссон – женщины поистине необыкновенной судьбы.

Очарованный красотой дома, его изысканным убранством, Чарли уговорил Глэдис сдать ему шале. Ему казалось, что в конце концов он нашел то место, которое так долго искал, место, где он мог чувствовать себя дома. А Глэдис была благодарна богу, который послал ей Чарли. Или это была судьба?!

Однажды вечером Чарли зашел в спальню... и увидел в центре комнаты женщину в длинном голубом платье. Он замер, а женщина улыбнулась и протянула ему обе руки, словно хотела что-то сказать, но Чарли так и не услышал ни звука. В следующую минуту незнакомка исчезла за занавесками. Не сразу Чарли догадался, что это была не кто иная, как сама Сара Фергюссон... вернее, ее призрак.

Заинтригованный, Чарли решил выяснить все, что только можно, об этой женщине.

В местной библиотеке, где его крайне нелюбезно встретила молодая библиотекариша, Чарли нашел старинные книги и в одной из них обнаружил портрет женщины, которую уже видел накануне Рождества в своей спальне. Последние сомнения отпали – ему явился призрак Сары Фергюссон де Пеллерен.

* * *

На новогодние праздники Чарли поехал на небольшой горнолыжный курорт в Клэрмонт. Здесь-то он и познакомился с очаровательной малышкой Моник Виронэ. Девочка каталась совершенно одна, и Чарли заговорил с ней. Из разговора он узнал, что родители девочки развелись, что ее отец – профессиональный горнолыжник, а сама Моник приехала сюда со своей мамой. В молодой женщине Чарли сразу узнал ту самую нелюбезную биб-

библиотекаришу. Франческа Виронэ при первой же встрече поразила его своей резкостью. Она была, несомненно, красива, но во всем остальном напоминала вмерзший в лед осколок стекла – незаметный, но способный до крови располосовать неосторожную руку. И вряд ли, подумал Чарли, кому-нибудь удалось бы растопить этот лед и отогреть ее застывшее сердце. Как он ошибался!

Приглядываясь постепенно к Франческе, Чарли понял, что еще никогда не видел женщины, которая так явно страдала бы от каких-то глубоких душевных ран, и не представлял себе, как же мог так ее сломить бывший муж. Дело было даже не в ее страданиях; Франческа напоминала ему втоптаный в грязь цветок, который уже никогда не расцветет.

И еще одно обстоятельство огорчало его. Дело было вовсе не в том, насколько ужасно обошелся с Франческой ее олимпийский чемпион. Главным была убежденность молодой женщины в том, что с ней поступили подло, что ее предали, и теперь, потеряв надежду, разуверившись во всех и вся, она пряталась в свою раковину каждый раз, когда к ней кто-то приближался. Вместе с тем Чарли было совершенно ясно, что, несмотря ни на что, Франческа оставалась мягким, чувствительным, добрым человеком.

* * *

Вернувшись после праздников в Шелбурн-Фоллс, Чарли не мог выкинуть из головы Франческу Виронэ и ее очаровательную дочь. Женщина заинтриговала его. Своей настойчивостью и неприятием мужчин она оказалась для него настоящим вызовом, и Чарли почувствовал огромное желание приручить ее. В то же время он представлял себе, какие невероятные усилия понадобятся ему, чтобы сломать между ними толстый лед настороженности и недоверия.

Между тем его не перестала волновать и история Сары Фергюссон. Ему неодолимо хотелось еще хоть раз увидеть призрак этой красавицы. Чарли принялся обследовать чердак, в надежде найти там что-нибудь, напоминающее о первых владельцах этого дома, и в дальнем, самом темном углу обнаружил старый сундучок. Там находилось необычное сокровище – дневники Сары Фергюссон. Это было все равно что получить письмо от Сары, в котором она рассказывала бы Чарли и всем своим потомкам, как сложилась ее жизнь, кого она любила, а кого ненавидела, как она впервые встретила своего Франсуа... И как она вообще попала в Новый Свет! Чарли не мог поверить своей удаче, и, по мере того как он переворачивал страницу за страницей, глаза его наполнялись слезами благоговейного волнения и сочувствия к судьбе Сары...

Глава 1

День выдался непогожим, и когда Чарли выглянул утром в окно, он увидел только снег. Ветер кружил густой снег над поляной и сметал в высокие сугробы у деревьев. Выходить наружу не хотелось, и Чарли подумал о том, что книги в библиотеку можно будет вернуть и завтра. Никакой другой работы у него не было, и он решил сразу же после завтрака вернуться к дневникам Сары.

Но он надолго задумался, замерев у окна и вспоминая Франческу. Чарли не мог себе представить, что же могло заставить ее уехать из Франции и осесть – пусть только временно – в Шелбурне. Совершенно очевидно, что когда-то она вела полноценную светскую жизнь и серьезно занималась искусствоведением, и Шелбурн-Фоллс, безусловно, был не самым подходящим местом для такой женщины, пусть даже она и работала над диссертацией по истории местных индейских племен. Чарли даже представил себе, что, возможно, когда они познакомятся поближе, он сможет сам спросить у нее об этом.

Чарли решительно стряхнул с себя мечтательное настроение, и уже через несколько минут он придвинул кресло поближе к камину и склонился над пожелтевшими страницами дневника, исписанными бисерным почерком Сары Фергюссон. Через минуту он уже забыл о Франческе.

* * *

Путешествие до Фальмута на небольшом двухмачтовом бриге «Конкорд» продолжалось семь долгих недель. Но едва вдали показался американский берег, как все неудобства и трудности этого долгого пути были забыты.

Прямо из порта Сара Фергюссон направилась в пансион миссис Ингерсолл. Она ничего и никого здесь не знала и не имела никаких конкретных планов, но не чувствовала страха. Страх остался далеко позади, по ту сторону Атлантики.

Пансион миссис Ингерсолл был расположен на углу Корт-стрит и Трентон-стрит. Это оказалось солидное, недавно построенное четырехэтажное здание – чистое, аккуратное, со всеми возможными удобствами, но без излишеств, и Сара была очень довольна. Во всяком случае, она не раз помянула добрым словом капитана Маккормика, который порекомендовал ей снять комнату именно здесь. Со слов других постояльцев она знала, что всего неделю назад здесь останавливался сам Джордж Вашингтон, однако это имя ничего ей не говорило.

Миссис Ингерсолл и ее управляющий были весьма удивлены, когда Сара сказала, что путешествует одна и что ее никто не сопровождает. Однако, стоило ей только намекнуть, что она – вдова, что она прибыла из Англии и что ее племянница, которая должна была ехать с ней, в последний момент тяжело заболела, как хозяйка тотчас прониклась к ней сочувствием, а управляющий лично проводил ее в номер и помог устроиться.

Саре достался номер из двух просторных комнат, одна из которых, украшенная тяжелыми парчовыми занавесками и драпировками густого красного цвета, служила гостиной, а вторая – поменьше, с обоями из жемчужно-серого атласа – спальней. Обе комнаты были достаточно светлыми и солнечными, их окна выходили на площадь. Вдали виднелся порт со стоящими там парусниками и сверкающее море. Сам город – оживленный, молодой, энергичный – не затихал ни днем ни ночью, и Саре очень нравилось ходить по его запруженным людям улицам, заглядывать в небольшие лавочки и прислушиваться к разговорам. В первое время ее очень забавляло американское произношение, однако частенько она слышала и чистую английскую речь, и ирландский говорок, и гортанный акцент шотландских

горцев. Впрочем, если судить по лицам, то образованных людей – таких, как она сама, – в Бостоне было очень мало, и большинство приезжих составляли ремесленники, мастера-вые и солдаты, которые приехали в Америку в поисках лучшей доли или, как, например, католики-ирландцы, спасаясь от притеснений, которые они испытывали у себя на родине. Впрочем, ее простая и скромная одежда никого не вводила в заблуждение, и при встрече с Сарой недавние иммигранты кланялись ей и уступали дорогу, безошибочно признавая в ней благородную даму.

Именно это обстоятельство навело Сару на мысль обновить свой гардероб. Платье и шляпка, которые она взяла в дорогу, истрепались, а туфли потрескались. После нескольких дней, которые ушли у нее на то, чтобы осмотреться и освоиться в незнакомом месте, Сара обратилась к миссис Ингерсолл с просьбой порекомендовать ей подходящего торговца, у которого она могла бы одеться так, как принято в Новом Свете. В первую очередь Саре нужна была теплая одежда для наступающей зимы, поскольку, кроме шерстяной накидки-плаща, в подкладку которого были по-прежнему зашиты оставшиеся драгоценности, у нее не было теплых вещей. Не помешали бы ей и новое платье, и шляпка.

Миссис Ингерсолл направила ее на Юнион-стрит – к портнихе, которая держала небольшое ателье. Там Саре показали модные журналы, привезенные из Франции в прошлом году. Сама миссис Ингерсолл заказывала свои платья в Париже, однако у нее было пять дочерей, и ей очень нравились платья, которые эта портниха сшила для них по французским образцам. Сару эти копии вполне устроили, и она заказала себе полдюжины. Кроме того, портниха дала ей адрес модистки, у которой можно было заказать подходящие шляпки.

Выбранная ею одежда была совсем простой, хоть и шилась по парижским моделям. Вообще Сара заметила, что большинство бостонских дам одевается без особых претензий, что в общем-то соответствовало простой и суровой жизни, которую они вели. И Сара вовсе не стремилась чем-то выделяться, ведь она приехала сюда совсем не для того, чтобы щеголять в модных нарядах. Ей нужно было что-то элегантное и в то же время практичное и скромное, что соответствовало бы ее положению вдовы. Чтобы убедить местное общество в том, что она действительно вдова, Сара специально попросила портниху сделать платья глухими, из тканей темных тонов. Однако Сара все же не смогла отказать себе в удовольствии и заказала одно платье из чудного темно-голубого бархата, который так шел к ее глазам. Правда, Сара не очень хорошо представляла себе, куда она будет его надевать, но иметь такое платье ей очень хотелось. В конце концов, рассуждала она, со временем у нее появятся знакомые, ее будут приглашать на званые вечера или даже на балы – вот тогда-то оно и пригодится. И потом, не всю же жизнь она будет носить траур по мужу, который к тому же и не думал умирать.

Портниха обещала, что платья – за исключением более сложного в исполнении бархатного – будут готовы через неделю, поэтому Сара поспешила заняться устройством своих финансовых дел.

Несколько дней назад миссис Ингерсолл познакомила ее с мистером и миссис Блейк. Ангус Блейк был управляющим городским банком, и, чтобы открыть счет, Саре пришлось подробно объяснить ему свое положение, сослаться на вдовство, на недавний приезд из Англии и отсутствие знакомств в городе. Сочувствуя молодой вдове, мистер Блейк пообещал помочь и пригласил Сару зайти к нему в банк, и вот теперь Сара отправилась прямо к нему. В разговоре с банкиром она довольно неосторожно упомянула о своем намерении купить ферму где-нибудь в окрестностях Бостона и увидела, как брови Блейка поползли вверх. Впрочем, он тут же взял себя в руки.

– Как вы себе это представляете? – удивленно спросил он. – Ферма – дело непростое, особенно – для одинокой женщины.

– Я понимаю, сэр, – смиренно ответила Сара, опуская глаза. – Наверное, мне действительно придется нанять одного-двух помощников, однако, как мне кажется, это будет несложно. Главное, не ошибиться и выбрать хороший участок земли, разве не так?

Сара подняла на него глаза, надеясь на сочувствие и понимание, но Ангус Блейк смотрел на нее с крайним неодобрением, которое не в силах был скрыть.

Он посоветовал ей остаться в городе. В Бостоне можно было найти недорогой, но очень приличный особняк в солидном квартале. Если же она поселится здесь, добавил Блейк, то очень скоро у нее появятся друзья, которые помогут ей правильно вложить средства. Ферма – это не женское дело, так полагал Ангус Блейк.

О чем Ангус Блейк не сказал Саре, так это о том, что она очень красивая, молодая еще женщина и что не пройдет и года, как она сможет вторично выйти замуж и составить очень выгодную для себя партию. Покупка фермы казалась ему не просто недалёковидным, но и крайне неразумным шагом с ее стороны.

– На вашем месте я не стал бы так спешить, – пояснил он, заметив, что его строгий тон смутил посетительницу. – Сначала поживите в городе, обзаведитесь связями, а там и решайте.

Сам он уже твердо решил представить молодую очаровательную вдову самым крупным и влиятельным клиентам банка. По его расчетам, ее мягкость, скромность и, несомненно, благородное происхождение должны были открыть ей двери в местное высшее общество. Ангус Блейк видел в Саре Фергюссон лишь молодую, не слишком искушенную в жизненных проблемах женщину, но его жена, которой он представил Сару на приеме у миссис Ингерсолл, была убеждена, что в ней есть нечто особенное, чему не сразу можно было найти определение.

– В ней есть что-то необычное, – говорила она своему мужу. – Я не знаю – что, но я чувствую, эта миссис Фергюссон – совсем не простая женщина...

И она, похоже, знала, что говорила. У Ангуса и его жены Белинды были взрослые дети примерно того же возраста, что и Сара, но ни они, ни их друзья ни в какое сравнение не шли с очаровательной англичанкой. Белинда Блейк утверждала, что еще никогда в своей жизни она не встречала такой сильной, целеустремленной, умной и мужественной женщины, как миссис Сара Фергюссон. При одной только мысли о путешествии на «Конкорде», которое совершила Сара, у нее внутри все холодело, и тем не менее, желая добра Саре, она поддерживала мужа, заявив, что покупка фермы – это совершенно безумная затея.

– Вы должны остаться в Бостоне, милочка, – сказала она Саре. – Так будет безопаснее.

Сара лишь молча улыбнулась в ответ.

После знакомства с Сарой Блейки взяли на себя добровольную обязанность представить ее своим влиятельным друзьям, и очень скоро Сара начала получать приглашения на ужины и чаепития. Местное общество отнеслось к ее появлению достаточно благожелательно, однако Сара была очень осторожна. Обзаводиться знакомствами и связями она не спешила, поэтому несколько раз она посылала сказать, что не может прийти. Сдерживал ее и страх, что кто-то, кто недавно прибыл из Англии, может узнать ее. Правда, они с Эдвардом почти не бывали в Лондоне, да и вообще выезжали очень редко, однако она не исключала, что за прошедшие три месяца история ее побега стала широко известна. Не исключено, что она могла попасть даже в прессу. Находясь в Бостоне, Сара не могла знать этого наверняка, поэтому ситуация, несомненно, вызвала к осторожности. Единственное, что она могла сделать, это написать Хэвершему и узнать, как обстоят дела на родине, но Сара не осмеливалась даже на это. И все же несколько раз она рискнула принять приглашение на ужин, и у нее появились в городе первые знакомые.

Видя, что Сару не отговорить от ее затеи, Ангус Блейк познакомил ее с надежным маклером, имеющим дело с драгоценными камнями. Старый ювелир был потрясен, когда

Сара разложила перед ним привезенные из Англии драгоценности. Среди них было с полдюжины очень дорогих, роскошных вещей старинной работы и несколько более скромных, которые Сара пока не собиралась продавать, а хотела только оценить. Главной надеждой Сары было бриллиантовое кольцо ее матери, которое Эдвард Бальфор, размотавший почти все ее приданое, еще не успел продать, однако, когда ювелир назвал ей сумму, она не могла поверить своим ушам. На эти деньги, как она теперь представляла себе, можно было купить несколько ферм или прекрасный особняк в Бостоне. Вряд ли она бы могла рассчитывать на такой успех в Англии.

Это новое, столь радостное обстоятельство заставило ее задуматься, но ненадолго. Благодаря Белинде Блейк, которая все еще надеялась, что Сара поддастся на уговоры и купит себе одну из городских усадеб, она уже посмотрела несколько домов и составила себе представление о цене каждого из них, однако сердце ее по-прежнему не лежало к городской жизни. Сара упрямо желала жить на ферме где-нибудь подальше от Бостона, и ничто не могло заставить ее изменить свое решение.

Маклер нашел подходящего клиента и продал ему бриллиантовое кольцо. Вырученные деньги, за вычетом вполне приемлемых комиссионных, он перевел на счет Сары в банке, так что уже к концу ноября она стала обладательницей довольно внушительного состояния.

К этому времени знакомства Сары в Бостоне стали более многочисленными. Ее постоянно приглашали на балы и торжественные обеды. Она нечасто принимала приглашения, и все же отказываться было не всякий раз удобно. Каждый ее выход в свет еще сильнее подогревал интерес к ее особе, чего Сара стремилась избегать любой ценой. Вскоре Саре стало совершенно очевидно, что, несмотря на свое очень сдержанное поведение, она произвела в бостонском обществе настоящий фурор. Ее утонченный аристократизм и безупречные манеры отмечали буквально все, а редкостная красота Сары стала неизменной темой разговоров холостых процветающих джентльменов, собиравшихся в клубе «Ройал».

И все это произошло очень быстро – слишком быстро, чтобы Сара могла чувствовать себя спокойно. Нежданно-негаданно она стала объектом всеобщего внимания, а это было уже опасно. Ей нужно было исчезнуть из города прежде, чем слухи о ее местонахождении достигли бы Англии и Эдварда, мстительного гнева которого у Сары были все основания опасаться.

День благодарения она встречала с Блейками, а через два дня Сара неожиданно получила приглашение на бал у Бодуинов, что было равносильно официальному признанию ее принадлежности к бостонскому высшему обществу. Сначала Сара хотела отклонить это предложение: вращаться в высших кругах значило стать слишком заметной и, следовательно, подвергнуть себя еще большему риску, – однако ее отказ очень огорчил Белинду Блейк, и они с мужем принялись ее уговаривать.

– Хотела бы я знать, как вы собираетесь снова выйти замуж! – восклицала Белинда Блейк, опекавшая Сару с поистине материнской заботой. – Вам просто необходимо выходить в свет, танцевать на балах!..

В ответ Сара лишь отрицательно качала головой и натянуто улыбалась. При слове «замуж» ей вспомнилось слишком многое, но она не смела поделиться с Белиндой своими воспоминаниями.

– Я вовсе не собираюсь снова выходить замуж! – твердо сказала она, и в глазах ее промелькнула такая решимость, что Белинда поняла – это не прихоть и не сиюминутный каприз.

– Я понимаю, что вы сейчас чувствуете, – сказала Белинда Блейк несколько растерянно и взяла Сару за руку. – Я уверена, голубушка, что покойный мистер Фергюссон был достойным человеком, заботливым и добрым... Но как бы сильно вы его ни любили, это не причина, чтобы хоронить себя заживо...

При этих ее словах внутри у Сары как будто все перевернулось. В Эдварде не было ничего достойного или доброго, и она никогда его не любила. В свое время он, может быть, и был для нее удачной партией, но очень быстро граф превратился в настоящее чудовище. Она была все равно что мертва все восемь лет, пока жила с ним, и только теперь начинала возрождаться.

– Я уверена, – продолжала ворковать Белинда Блейк, – что рано или поздно вы встретите достойного человека, за которого сможете выйти замуж. Вы должны это сделать, Сара, дорогая. Вы молоды и красивы и не должны оставаться одна до скончания веков. Может быть, и у вас еще будут дети...

При этих ее словах глаза Сары померкли, и внимательная Белинда Блейк моментально это заметила.

– Я бесплодна, – холодно сказала Сара, и Белинда отпрянула, шокированная неожиданной откровенностью собеседницы.

– Быть может, вы заблуждаетесь, – промолвила она, смущенно откашливаясь, и, вдруг воодушевившись, продолжила: – Вы знаете, голубушка, у меня есть кузина, которая тоже так полагала... Ну, что она не может иметь детей. И вот, представляете, ей было уже сорок пять, когда она вдруг обнаружила, что она – в интересном положении. В конце концов она родила двойню! – Тут Белинда просияла. – Двойню, и оба мальчика выжили. Теперь моя кузина – счастливейшая из женщин, а ведь вы, душечка, гораздо моложе ее. Вы не должны отчаиваться, моя дорогая. Вы можете начать новую жизнь, надо только захотеть!..

Сара согласно кивнула. Именно за этим она и приехала в Новый Свет, но ни новый брак, ни рождение детей не входили в ее планы. Ей казалось, что прискорбного опыта с Эдвардом хватит ей теперь на всю жизнь. Главное, она должна впредь вести себя так, чтобы мужчины не обольщались ее одиночеством и не пытались за ней ухаживать. Сама Сара не собиралась ни заигрывать с ними, ни поощрять их ухаживания. Даже на обедах и приемах, на которых она изредка появлялась, Сара старалась больше находиться в обществе женщин, однако это ей не всегда удавалось. Мужчины продолжали поглядывать в ее сторону; они говорили о ней между собой, и время от времени кто-то из них решался даже пригласить ее на тур вальса. И хотя Сара неизменно отказывала смелым кавалерам, не разговаривать с ними, не рискуя прослыть невежливой, она не могла.

Больше того, она несколько раз ловила себя на том, что общаться с мужчинами ей было намного интереснее, чем с дамами. Правда, интерес Сары был чисто практическим: мужчины гораздо лучше разбирались в вопросах бизнеса, в политике и сельском хозяйстве. С ними Сара могла говорить о земле, которой они владели, могла спрашивать совета, как лучше вести фермерское хозяйство, однако все эти вопросы делали ее лишь еще более привлекательной в мужских глазах. «Какая удивительная женщина», – говорили они, ибо самый бездарный или самый ленивый из них начинал чувствовать себя на голову выше, когда очаровательная миссис Фергюссон начинала выпрашивать у него о севообороте и об особенностях выращивания маиса и картофеля в здешнем климате. Другие женщины только сплетничали о нарядах или говорили о своих детях, у кого они были, а эти темы не интересовали ни мужчин, ни саму Сару.

Другим обстоятельством, которое притягивало к Саре поклонников, было ее абсолютное нежелание понравиться кому-либо из них. Бостонские кавалеры принимали это за высшую форму кокетства, что было с их стороны довольно близоручо, однако Саре это не облегчало жизни. Она олицетворяла собой ходячий вызов их закрученным усам, эполетам, блестящему воспитанию, богатству и знатности, и Сара ничего не могла с этим поделать. Несколько человек дошли даже до того, что навещали ее в пансионе и оставляли для нее букеты цветов, огромные корзины фруктов, а однажды Сара получила даже томик стихов. Этот скромный дар оставил для нее молодой лейтенант, с которым она познакомилась на

приеме у Арбаксов, однако – несмотря на то, что стихи ей понравились, – Сара отослала книгу обратно, как поступала она со всеми подношениями. Она не хотела подавать никому ни малейшей надежды, однако остудить горячие мужские головы было нелегко.

Одним из самых настойчивых поклонников Сары стал лейтенант Паркер. Несколько раз Сара сталкивалась с ним в вестибюле гостиницы, где он подстерегал ее в надежде поговорить с ней или сопроводить ее, куда бы она ни направлялась. Его внимание граничило с назойливостью, и Сара не прогоняла его только потому, что ей было очевидно – этот молодой человек по уши в нее влюблен. Впрочем, именно поэтому ей, наверное, следовало обойтись с ним как можно решительнее, однако ей не хватало духа. Хотя вряд ли бы это помогло. Лейтенанту Паркеру, прибывшему в Бостон из Виргинии, недавно исполнилось двадцать пять лет, и он находился в том счастливом возрасте, когда все препятствия на пути к цели кажутся пустяками. Куда бы ни шла Сара, он, словно верный пес, оказывался рядом, всем своим видом выражая готовность следовать за нею, куда она прикажет. Увы, этим он достиг только того, что его общество стало Саре неприятно, и она искренне надеялась на то, что при первом удобном случае ей удастся переключить внимание лейтенанта на какую-нибудь другую женщину, которой эти настойчивые ухаживания не были бы в тягость. Она даже сказала ему, что носит траур по мужу и что не собирается вторично выходить замуж, однако это не произвело на лейтенанта Паркера никакого впечатления. Скорее всего он ей просто не поверил.

– Я совершенно уверен, что пройдет каких-нибудь шесть месяцев, и вы передумаете, – уверенно заявил он. – Я уважаю ваше желание хранить верность памяти покойного мужа, но нельзя же носить траур вечно. В наших краях минимальным приличным сроком считается полгода, и три месяца из них уже прошли.

Сара покачала головой. Ей нужно было дать ему понять, что он отвергнут, однако она не знала, как это сделать.

– А я уверена, что и через полгода, и через год, и даже через десять лет у меня не появится никакого желания выйти замуж, – сказала Сара, думая о том, что, пока Эдвард жив, она остается замужней женщиной и, следовательно, повторный брак исключался. Но даже если бы ее муж умер, для Сары ничего бы не изменилось. Любые мысли о семейной жизни были заранее отравлены для нее горьким опытом ее жизни. Сара твердо знала, что никогда больше не поставит себя в зависимое положение и не позволит мужчине безнаказанно унижать и мучить себя. Она не хотела больше быть вещью, которую можно использовать, а потом выбросить за ненадобностью, и не представляла себе, как другие женщины могут с этим мириться. Правда, Саре было известно, что многие мужчины – тот же Ангус Блейк, к примеру, – хорошие, добрые и мягкие люди, однако, по ее глубокому убеждению, брак был лотереей, и снова рисковать всем она не хотела. Сару не пугала мысль о том, что ей придется прожить остаток жизни одной, однако убедить в этом лейтенанта Паркера ей так и не удалось. Больше того, его уверенность в том, что миссис Фергюссон срочно нужен новый муж, разделяла половина мужчин Бостона.

– Вы должны радоваться тому вниманию, которое оказывают вам мужчины, душечка, – увещевала Сару Белинда Блейк, когда Сара начинала жаловаться, что ухажеры буквально не дают ей прохода. – Вам остается только выбирать, милочка, и я уверена, что вы сумеете найти добропорядочного джентльмена, с которым вам захочется связать свою судьбу.

– Но я вовсе не хочу ни с кем связывать свою судьбу! – возражала Сара. – И ухажеры мне не нужны!

– Правильно, милочка, правильно! – кивала головой миссис Блейк. – Вам нужен муж, и как можно скорее.

Как-то Сара забылась, и, когда Белинда Блейк снова попыталась «утешить» ее подобным образом, она бездумно выпалила:

– Что им всем от меня надо? В конце концов, я – замужняя женщина!..

Тут она осеклась, поняв, что она сказала, и поспешила поправиться:

– ...По крайней мере, я привыкла так думать... В общем, все эти ухаживания – полнейшая чепуха; я совершенно уверена в этом!

– Ну конечно, чепуха! – неожиданно согласилась с ней миссис Блейк. – Брак – это такое блаженство, что по сравнению с ним все эти ухаживания кажутся настоящей ерундой. И все же одно не бывает без другого.

Тут Сара поняла всю безнадежность своих объяснений и сдалась. Во всяком случае, она больше не предпринимала никаких попыток объяснить свою позицию ни Белинде Блейк, ни кому-либо другому.

В начале декабря произошло некое событие, которое неожиданно подтолкнуло Сару к осуществлению ее заветной мечты. На одном из званых вечеров она познакомилась с Амелией Стокбридж и с ее мужем. Полковник Стокбридж командовал гарнизоном в Дирфилде – в том самом Дирфилде, о котором Сара слышала от ее попутчика Абрахама Левитта, – и несколькими укрепленными фортами, протянувшимися цепочкой вдоль реки Коннектикут. Разговаривать с ним Саре было чрезвычайно интересно. О тех краях полковник знал почти все и был рад поделиться своими сведениями с очаровательной миссис Фергюссон. Он даже не заметил, что она устроила ему форменный допрос, расспрашивая его, хороши ли земли в окрестностях Дирфилда и не слишком ли воинственно настроены местные индейцы.

Сара очень удивилась, когда полковник сообщил ей, что индейские племена не доставляют им почти никаких неприятностей.

– В нашем районе осталось совсем мало нантикоков и вампаногов, и они уже давно нас не беспокоят, – сказал полковник. – Нет, конечно, иногда возникают проблемы из-за «огненной воды» – так индейцы называют крепкое спиртное – или споры из-за охотничьей территории, однако нас это почти не касается.

Он говорил так, словно Дирфилд был приятным и тихим курортом, и Сара, которая была наслышана об опасностях, подстерегающих белого на неосвоенных землях, усомнилась в искренности его слов.

– Ну, конечно... – Полковник смущенно откашлялся, ибо осведомленность Сары и ее острый интерес застали его врасплох. – По весне, когда начинается ход лосося, в наших местах появляются многочисленные группы ирокезов. Кроме того, всегда существует опасность, что с севера проникнет военный отряд могауков. Именно они чаще всего тревожат поселенцев, но мы уже давно их не видели.

Полковник умолчал о том, что год назад могауки вырезали целую семью поселенцев, не пощадив и семерых детей, всего в нескольких милях к северу от Дирфилда. Впрочем, с тех пор индейцы действительно не показывались в окрестностях городка, и он почти не покривил душой, сказав, что ни он, ни его солдаты не подвергаются никакой серьезной опасности.

– Самые опасные и воинственные племена обитают на западе, – продолжал полковник. – Главное, чего мы боимся, это того, что шауни и майами начнут распространяться на восток, однако лично я считаю, что дальше границы Массачусетса они вряд ли продвигнутся. Впрочем, существует мнение, что это им вполне по силам. Собственно говоря, именно эти два племени и есть главные возмутители спокойствия в нашей зоне, и наш президент очень этим озабочен. Он считает, что индейские войны и так обошлись нам слишком дорого. Конечно, краснокожих можно понять – ведь они потеряли большую часть своих земель, но никто не собирается позволять им беспрепятственно кочевать по всей стране и убивать поселенцев. В настоящее время сдерживанием этих племен занимаются регулярные части, но, насколько я слышал, им порой приходится по-настоящему жарко...

Сара уже кое-что слышала об этом, но узнавать о событиях из первых рук было гораздо интереснее, и ее глаза невольно засверкали от любопытства.

Из дальнейшего разговора она узнала, что полковник Стокбридж приехал в Бостон, чтобы провести Рождество с женой, которая ни под каким видом не желала жить в Дирфилде. Каждый раз, когда у него появлялась такая возможность, полковник навещал ее, но это происходило не слишком часто, ибо что ни говори, а от Дирфилда до Бостона было целых четыре дня пути.

Через несколько дней Стокбриджи пригласили Сару на небольшой прием, который они давали для своих друзей в честь приезда полковника. На приеме ожидалось присутствие нескольких сослуживцев полковника Стокбриджа, находившихся в Бостоне в отпуске или по делам, и Сара с радостью приняла приглашение, надеясь узнать еще больше подробностей о месте, которое так ее заинтересовало, и завести полезные знакомства.

Друзья полковника оказались славными и веселыми людьми. Они даже пели вместе под аккомпанемент фортепиано, на котором играла Амелия Стокбридж, и Сара даже пыталась им подпевать, хотя песни были ей незнакомы. Единственным обстоятельством, испортившим впечатление от вечера, было присутствие лейтенанта Паркера. Он не отходил от Сары буквально ни на шаг, и ей приходилось тратить немало душевных сил, чтобы сдерживать раздражение. Лейтенант постоянно отвлекал Сару от разговоров с полковником и его друзьями, и только перед самым концом вечера Саре удалось наконец спокойно побеседовать со Стокбриджем.

Услышанное повергло полковника в изумление.

– Что за нелепые идеи, миссис Фергюссон?! – воскликнул он, не сдержав удивления, и лишь когда Сара обосновала свой интерес, Стокбридж сумел взять себя в руки.

– Я понимаю, что вы хотите сначала все увидеть своими глазами. Ничего невозможного в этой поездке, конечно, нет, но... – промолвил он с сомнением в голосе. – Но ведь это совсем не увеселительная прогулка, мадам. До Дирфилда довольно далеко, к тому же в долинах лежит глубокий снег. Путешествовать одна вы не можете, значит, вам придется взять одного-двух провожатых. Но даже в фургоне, запряженном хорошей упряжкой, вам понадобится четыре-пять дней, чтобы добраться до форта.

Тут полковник неожиданно улыбнулся.

– Даже моя жена не отваживается на такое путешествие, миссис Фергюссон. Нет, конечно, мы не дикари какие-нибудь; несколько молодых офицеров живут в гарнизоне со своими женами, а вокруг Дирфилда хватает ферм, но, боюсь, вам у нас не понравится, даже если вы пробудете у нас всего несколько дней.

Полковник чувствовал себя обязанным отговорить ее от этого безумного предприятия, однако, приводя один довод за другим, он и сам не заметил, как поверил в его осуществимость. Да и Сара, похоже, была исполнена такой твердой решимости, поколебать которую словами было невозможно.

– У вас есть знакомые среди моих офицеров? – прямолинейно поинтересовался полковник, не в силах придумать никакой иной причины, которая заставила бы эту хрупкую молодую женщину покинуть уютный и безопасный Бостон и отправиться в долгое и трудное путешествие. Впрочем, он знал, что Сара Фергюссон приплыла в Америку на крошечном двухмачтовом бриге, приплыла совершенно одна, и это заставило его проникнуться к ней самым глубоким уважением. Очевидно, она была гораздо мужественнее и храбрее, чем можно было предположить при первом знакомстве.

– Если вы не откажетесь от своего намерения, – поспешно добавил он, чтобы загладить неловкость, – то позвольте мне по крайней мере подобрать вам надежных сопровождающих. Мне бы не хотелось, чтобы вы отправились в дорогу в обществе каких-нибудь случайных людей или сосунков, не способных найти дорогу в снегопад или отличить след карибу от следов лошади. Дайте мне знать, когда вы решитесь отправиться, и я пришлю вам людей. Вам понадобится погонщик с упряжкой лошадей и фургоном и проводник. Нет, лучше два

проводника – так будет вернее. Сомневаюсь, что путешествие покажется вам приятным, но, по крайней мере, вы доберетесь до места в целости и сохранности.

– Спасибо вам, полковник! – горячо воскликнула Сара, и в ее глазах вдруг вспыхнул такой огонь, которого Стокбридж никогда еще не видел. Только теперь ему стало окончательно ясно, что отговорить эту женщину от задуманного ему все равно не удастся, что бы он ни предпринял. Примерно так он и сказал своей жене, когда она игриво поинтересовалась, о чем он так долго беседовал с очаровательной миссис Фергюссон.

– Да как ты мог! – возмутилась Амелия. – Она еще совсем молодая женщина и не знает, на что идет, но ты-то должен соображать! Мало ли что с ней может случиться по дороге. Они могут наткнуться на враждебных индейцев, и их всех оскальпируют, они могут заблудиться в лесу и пропасть, Сара может заболеть, а у тебя в Дирфилде нет даже приличного врача – только фельдшер, который пьет запоем. Не обижайся, пожалуйста, но твой гарнизон – не то место, где следует находиться молодой леди!

Она так раскипятилась, что можно было подумать, будто полковник уличен ею в худшем случае в супружеской измене, в лучшем – в несоблюдении приличий.

– Подумай сама, Амелия, – примирительно сказал Стокбридж. – Эта молодая женщина приплыла сюда из Англии совершенно одна, на крошечном корабле, которому лично я не доверил бы даже каботажные перевозки до Нью-Йорка и обратно. Кроме того, дорогая, миссис Сара Фергюссон – вовсе не нежный оранжерейный цветочек, как ты, наверное, полагаешь. Я говорил с ней, и я понял, что это решительная, упорная и сильная женщина. В ней есть много такого, что не различить с первого взгляда, и я уверен, что она еще очень и очень удивит всех нас.

Говорить так полковник имел полное право. Он был еще не старым, но умудренным жизнью человеком, многое повидавшим на своем веку. И огонь, замеченный им в глазах Сары, сказал ему гораздо больше, чем ее язык. Подобный упрямый огонь Джеймс Стокбридж видел в глазах поселенцев, которые шли на запад с твердым намерением найти свое счастье на новых землях или умереть. Их не страшили ни неведомые опасности дальнего пути, ни голод, ни враждебные индейские племена, и те, кто пережил все это, были очень похожи на Сару Фергюссон. Ничто не могло остановить ее, и, будучи человеком разумным, полковник был не склонен вставать на ее пути.

– С ней, я надеюсь, все будет в порядке, Амелия, – сказал полковник. – Я даже уверен в этом, иначе не стал бы ей помогать.

– Ты совсем лишился рассудка, Джеймс, – проворчала Амелия, сдаваясь. Вечером, перед тем как лечь в постель, она даже нежно поцеловала мужа, но это не значило, что она согласилась с ним. Она была по-прежнему уверена, что намерение Сары отправиться в Дирфилд – это чистой воды безумие, но она не знала, как этому помешать. Единственное, на что надеялась Амелия Стокбридж, это то, что Сара все-таки встретит в Бостоне достойного человека, и это удержит ее в городе.

Но на следующий день Сара снова приехала с визитом в дом Стокбриджей. Всю ночь она не могла заснуть от волнения и все думала над его предложением. Она готова была принять его, о чем и сообщила Стокбриджу с открытой улыбкой, которая очень смягчала ее обычно спокойное, даже несколько отрешенное лицо. Сара лишь поинтересовалась, когда сам полковник планирует вернуться в гарнизон.

Уже зная, чем все это может закончиться, Стокбридж объяснил Саре, что отправится в обратный путь вскоре после наступления нового года и не вернется в Бостон уже до весны. У Амелии, как он полагал, будет достаточно хлопот и без него, поскольку их старшая дочь ждала ребенка и должна была в скором времени разрешиться от бремени.

– Я бы взял вас с собой, – сказал полковник, предупреждая просьбу Сары, – но, боюсь, это будет неудобно для вас. Я, видите ли, отправлюсь в путь с группой своих офицеров; все

мы будем верха́ми, чтобы покрыть расстояние до Дирфилда как можно скорее, так что вам в фургоне все равно за нами не угнаться. Поверьте, вы перенесете поездку гораздо легче, если будете двигаться самостоятельно.

Он улыбнулся, так как ему в голову пришла еще одна мысль.

– Хотите, – предложил Стокбридж, – я оставлю в Бостоне лейтенанта Паркера? Он мог бы сопровождать вас до Дирфилда.

– Нет-нет, спасибо, – поспешно ответила Сара. – Я еще не решила, когда именно тронусь в путь, поэтому задерживать здесь мистера Паркера было бы неразумно. Уверю вас, что наемные проводники вполне меня устроят. Помнится, вы говорили, будто знаете надежных людей?

Она посмотрела на полковника снизу вверх, и Джеймс Стокбридж кивнул.

– Хорошо, Сара, я найду вам проводника. Значит, вы планируете выехать в следующем месяце? – спросил полковник, перебирая в памяти людей, которым он мог бы вверить безопасность молодой миссис Фергюссон.

– Да, мне бы очень хотелось выехать как можно скорее, но я не знаю... – Она вспомнила о своем отказе от кандидатуры лейтенанта Паркера. – Меня могут задержать кое-какие дела.

Полковник кивнул и тепло улыбнулся молодой женщине. Его дочери уже давно не навещали его в гарнизоне. Несколько лет назад – после долгих уговоров с его стороны – они побывали в Дирфилде вместе с мужьями и детьми и теперь, видимо, считали свой дочерний долг исполненным. Эта же молодая женщина, напротив, рвалась в Дирфилд, словно для нее это был вопрос жизни и смерти. В каком-то смысле так оно и было, но полковник не мог знать причину такого решения Сары.

В конце концов Стокбридж пообещал, что сообщит ей имена нужных людей через несколько дней – когда выяснит, кто из них сейчас в городе. Кроме того, они договорились не посвящать Амелию Стокбридж в детали их договора, поскольку оба знали, что она не одобрит действия мужа, как только намерения Сары станут ей известны. Тот факт, что ее собственный муж помогает их осуществлению, вряд ли привел бы ее в восторг. Полковник, впрочем, был совершенно уверен, что по пути в Дирфилд и обратно с Сарой не случится ничего дурного; в противном случае он не взял бы на себя заботу о подготовке этого путешествия.

От души поблагодарив полковника Стокбриджа, Сара пешком вернулась в гостиницу. Ей пришлось пройти несколько кварталов, но это оказалось только кстати. Разговор со Стокбриджем привел ее в такое возбуждение, что Саре просто необходимо было немного успокоиться, и, хотя холодный ветер и мороз чувствительно пощипывали ее нос и щеки, она улыбалась всю дорогу до пансиона миссис Ингерсолл.

Глава 2

В Дирфилд Сара отправилась четвертого января 1790 года. Она ехала в видавшем виды, но крепком и надежном фургоне, запряженном парой низкорослых, очень выносливых лошадей. Владелец фургона – он же погонщик лошадей – был достаточно молодым человеком, однако он уже давно жил в Бостоне и успел объехать в своем фургоне всю округу. Он и родился-то на ферме всего в одном дне пути от Дирфилда, так что дорогу до форта он мог найти, как говорится, с закрытыми глазами, а с лошадьми управлялся просто мастерски. Звали его Джонни Драм, и он был всего на пару лет старше Сары.

Двое других участников экспедиции ехали верхом. Один из них – старый траппер¹ по имени Джордж Гендерсон – зарабатывал себе на жизнь тем, что торговал мехами. В своих путешествиях он забирался далеко на север и исходил пешком едва ли не всю Новую Англию. В молодости он провел два года в плену у гуронов и прекрасно знал все обычаи и повадки индейцев. Он даже был женат на индианке, но теперь все это было в далеком прошлом. Саре Гендерсон показался почти стариком, однако полковник утверждал, что он – один из лучших следопытов в Массачусетсе и что лучшего проводника им не найти.

Вторым спутником Сары оказался молодой индеец по имени Том Поющий Ветер. Его отец был влиятельным сахемом² племени вампаногов. Опытный следопыт и охотник, Том часто работал проводником в гарнизоне и был хорошо знаком с полковником Стокбриджем. В Бостон он приехал для того, чтобы купить для своего племени кое-какие сельскохозяйственные орудия, и полковник попросил его – в качестве личного одолжения – сопроводить Сару Фергюссон до гарнизона.

Том Поющий Ветер был очень серьезным молодым человеком с длинными черными волосами и резкими чертами лица. Он носил штаны и куртку из оленьей кожи и держался очень сдержанно, стараясь даже не смотреть на Сару. Сара знала, что таким способом он проявляет свое уважение к ней, и хотела бы ответить молодому индейцу тем же, однако отвести от него взгляд оказалось выше ее сил. Том был первым увиденным ею индейцем, и буквально все в нем интересовало ее. Именно такими – суровыми и благородными и вместе с тем сдержанными и даже грозными – Сара представляла себе коренных обитателей Северной Америки, однако Тома она не боялась. Со слов полковника она знала, что вампаногии – мирное племя, живущее главным образом земледелием и охотой.

Из Бостона они выехали ранним утром, пока жители города еще спали. Всю ночь шел снег, не прекратился он и сейчас, но Гендерсон сказал Саре, что снег им не мешает. В фургон были аккуратно уложены запасы провизии, мешки с овсом для лошадей, немного кофе, меха, одеяла и даже кое-какая кухонная утварь. Приготовление пищи входило в обязанности проводников (старый траппер, по слухам, был прекрасным поваром), да и Сара была рада помочь ему с готовкой.

Закутавшись в меховую полсть, Сара сидела на козлах рядом с погонщиком и следила за крупными мохнатыми снежинками, бесшумно падающими на землю. Волнение, которое она испытывала в эти минуты, можно было сравнить разве что с тем, что она чувствовала, когда «Конкорд» покидал Фальмутскую гавань. Сейчас Саре снова предстояло путешествие в неведомое, и было оно не менее значительным и важным, чем двухмесячное плавание через Атлантику. Сама не зная почему, Сара была абсолютно уверена, что эта страна и она, Сара Фергюссон, были созданы друг для друга и что ее место здесь – среди этих молчаливых,

¹ Охотник, следопыт.

² Сахем – старейшина рода у некоторых племен североамериканских индейцев.

похороненных под снегом холмов, среди задумавшихся над ручьями елей, среди долин и укромных лесных троп, петляющих между стволами деревьев.

Через пять часов после того, как фургон отъехал от пансиона миссис Ингерсолл, они сделали первую остановку, чтобы дать отдых лошадям. Воспользовавшись этой возможностью, Сара соскочила на землю, чтобы немного пройтись. Под толстым меховым пологом ей было тепло, просто ей нужно было размять ноги.

К этому времени путники уже миновали форт Согласие³, и когда полчаса спустя они тронулись дальше, то довольно скоро оказались на Тропе Могауков, ведущей на запад, к Дирфилду. К этому моменту снег уже совсем прекратился, но все вокруг было укутано ровным белым одеялом, и Сара пожалела, что не может скакать по этой необозримой равнине вместе с мужчинами. Откровенно говоря, она с самого начала собиралась поехать в Дирфилд верхом, ибо ей казалось, что так можно будет быстрее добраться до цели, но полковник Стокбридж настоял, чтобы Сара наняла фургон. Теперь она видела, что эта задача была ей вполне по плечу, но ничего изменить уже было нельзя.

На ужин они ели жаренного на вертеле кролика, которого по пути добыл Гендерсон. Почти весь путь тушка зверька пролежала на задке фургона, но благодаря холодной погоде мясо нисколько не испортилось и было таким же свежим, как и несколько часов назад. Сара, во всяком случае, не помнила, когда в последний раз она так вкусно ела, хотя, возможно, причиной был свежий морозный воздух и проведенный в пути день. Мясо кролика, сдобренное какими-то неизвестными приправами, которые достал из сумки по-прежнему молчаливый Том Поющий Ветер, было нежным, чуть сладковатым на вкус, и Сара подумала, что это блюдо достойно самого блестящего стола.

После ужина они легли спать, причем мужчины расположились прямо у костра, на брошенном на снег лапнике, а Сара устроилась под теплыми мехами в фургоне и вскоре заснула спокойным, крепким сном.

Проснувшись она с первыми лучами солнца. Снаружи раздавался ленивый, громкий хруст лошадей, скрип снега под копытами, позвякивание котелка и потрескивание дров в костре. Отодвинув полог фургона, Сара увидела, что утренняя заря пылает в чистом высоком небе, словно пожар. Гендерсон уже приготовил кофе и даже растопил в котелке немного снега, чтобы Сара могла умыться. После легкого завтрака они тронулись в путь, и Джонни Драм и Гендерсон запели. Эту песню Сара уже знала, и, укутавшись в груды мехов внутри фургона, она не сдержалась и стала тихонько подпевать.

Когда вечером они снова остановились, за приготовление ужина взялся Поющий Ветер. Из многочисленных кожаных мешочков, расшитых бисером, он достал сушеные овощи, полоски вяленого мяса и какие-то приправы. Сара думала, что он будет готовить их по-индейски, однако – очевидно, из уважения к ней – Том соорудил блюдо, почти не отличавшееся по вкусу от той еды, к которой она привыкла. Впрочем, Сара так и не смогла сказать с уверенностью, из каких овощей приготовлено это вкуснейшее рагу. Кроме того, пока Джонни устраивал лошадей на ночлег и задавал им корм, Гендерсон сумел подстрелить трех птиц, похожих на куропаток, которые тоже пошли в общий котел.

Тщательно обглаживая тонкие птичьи косточки, Сара подумала, что и эту трапезу она тоже никогда не забудет. И еда, и закат, и молчаливые ели и пихты, и костер в снегу – все было для нее новым, неизвестным, простым и вместе с тем – прекрасным. В воздухе была разлита удивительная тишина и покой, и Сара поняла, что именно к этому она интуитивно стремилась, хотя, если бы еще позавчера ее спросили, чего же она хочет, она прибегла бы к таким понятиям, как свобода, независимость, безопасность. Теперь же она знала, что хочет

³ Форт Согласие (форт Конкорд) известен тем, что в 1775 году здесь произошло второе сражение в Войне за независимость.

жить вот так – сидеть у огня в лесу, слушать пение птиц на заре, есть овощи с собственного огорода и, устав от дневных трудов, крепко засыпать, укрывшись меховой полстью.

Весь третий день путешествия Гендерсон развлекал их историями о своей жизни у гуронов – сначала в качестве пленника, а потом равноправного члена племени. Сара узнала, что сейчас гуроны живут в Канаде, но прежде они – союзники французов в их борьбе с англичанами – представляли собой нешуточную силу. Гендерсон утверждал, что гуронский военный отряд взял его в плен чуть ли не у стен Дирфилдского форта, но Сару, знавшую от Стокбриджа, что возле Дирфилда сейчас спокойно, эти рассказы несколько не пугали.

Когда они заговорили о шауни и о воинственном вожде Голубой Камзол, в разговор вступил Том Поющий Ветер. То, что он рассказал, заинтересовало Сару, и она принялась расспрашивать Тома о его племени. Поначалу молодой индеец отвечал сдержанно, но Сара, которой очень хотелось знать все подробности о жизни коренных обитателей Америки, не отставала, и на лице Тома впервые появилось что-то похожее на улыбку. Он рассказал Саре, что вся его семья занимается земледелием – обрабатывает землю и выращивает кукурузу, бобы и картофель. Его отец был сахемом рода, то есть младшим вождем, а дед – шаманом, своего рода духовным лидером, лицом еще более влиятельным, чем сахем. По словам Тома, индейцы верили, что у всего сущего есть душа и племя вампаногов было связано неразрывной мистической связью со всеми предметами и явлениями во Вселенной. От него Сара узнала, что Кихтан – верховный индейский бог – управляет миром и всеми живыми существами и посему необходимо неустанно благодарить его за пищу, воду, за саму жизнь и за все, что Кихтан дал людям. Потом Том объяснил Саре значение праздника Зеленой кукурузы, когда индейцы снимали первый урожай и благодарили Землю-прародительницу за то, что она дает им пищу – маис и бобы.

Затаив дыхание и широко раскрыв глаза, Сара внимала рассказам Тома. А он говорил о том, что все живые существа должны быть справедливы по отношению друг к другу и прислушиваться к тому, что говорит им Кихтан, иначе не миновать беды, о том, что муж не должен обижать жену, иначе жена имеет право уйти от него, и Сара, глядя на Тома, такого сильного и гордого, задумалась над его словами, Саре даже показалось, что Том догадался или просто почувствовал то, о чем не догадались так называемые цивилизованные люди, которые окружали ее в Бостоне. Как бы там ни было, если Поющий Ветер и понял, что в ее жизни произошли какие-то тщательно скрываемые события, то он, совершенно очевидно, не порицал ее. Том вообще был не по годам умен и проницателен, а традиции, установления и даже законы мироздания, которые он ей описывал и по которым жил сам, представлялись Саре необычайно мудрыми и правильными. В них ей виделся естественный порядок, и Сара невольно подумала о том, что законам белых людей, увы, далеко до тех правил, которыми индейцы веками руководствовались в своей повседневной жизни.

Ей было трудно поверить, что именно индейцев белые люди, продвигавшиеся внутрь страны, называли «краснокожими варварами» и «дикарями». В Томе, во всяком случае, не было ничего дикого или грубого. С его слов она уже поняла, что со временем он тоже станет сахемом своего клана, и ей было приятно думать о том, что, близко узнав обычаи белых людей, Том станет относиться к ним как минимум с пониманием. Должно быть, его отец был мудрым человеком, если отпустил сына набираться опыта и знаний, которые могут впоследствии ему понадобиться. Теперь Поющий Ветер был своего рода послом, человеком, способным обеспечить взаимопонимание между двумя цивилизациями, и Сара невольно подумала о том, что, может быть, когда-нибудь придет день, когда она будет гордиться своим знакомством с великим вождем по имени Поющий Ветер.

Четвертый день путешествия показался Саре самым длинным. В этот день они достигли Миллерс-Фоллс. Двигаясь по Тропе Могауков, они миновали уже несколько укрепленных фортов, но остановились только раз, чтобы пополнить запас провизии и фуража для

лошадей. Ночевать же они предпочитали в открытом поле – там, где заставляли их сумерки. От Миллерс-Фоллс до гарнизона было совсем недалеко, но вот уже стемнело, а они все еще не добрались до места назначения. Теперь им предстояло решить, останавливаться ли на ночлег или продолжать ехать дальше, невзирая на темноту. Всем четверым не терпелось как можно скорее добраться до Дирфилда, и мужчины, будь они одни, несомненно, продолжили бы движение, но с ними была Сара. Никто из них не осмелился предложить ей этот, несомненно, более трудный вариант, но Сара сама заговорила о том, что им стоит ехать дальше, если только это не слишком опасно.

– Опасность есть всегда, – рассудительно заметил Джонни Драм. – В любой момент мы можем наткнуться на отряд индейцев или потерять колесо.

Разумеется, это могло случиться и днем, но ночью обледенелая, скользкая дорога, несомненно, была более опасна, и Джонни не хотел рисковать – он отвечал за Сару Фергюссон перед полковником.

– Воинственные индейцы могут напасть на нас и во время ночлега, – резонно возразила Сара. – Что касается колеса, то ничто не мешает нам остановиться, когда мы его потеряем.

Таким образом, решили ехать дальше. Проводники утверждали, что до Дирфилда осталось всего несколько миль, так что если они не будут терять времени, то к полуночи могут быть на месте.

Это был трудный отрезок пути, но Сара, подпрыгивавшая на каждом ледяном ухабе, ни разу не пожаловалась и вообще не издала ни звука. Фургон скрипел и раскачивался так, что порой Саре казалось, будто она снова оказалась на борту «Конкорда», однако она не потребовала остановиться, хотя мужчины, конечно же, не стали бы ей перечить. Напротив, Сара скорее попросила бы их ехать быстрее, но она боялась, как бы им и вправду не потерять колесо или не поломать ось. К счастью, погода стояла морозная, ясная, и дорога была хорошо видна.

Было уже около одиннадцати часов, когда впереди наконец показались огни гарнизона. Лошади как будто почувствовали, что конец пути уже близок, и пошли веселей, с силой налегая на постромки. Сара была почти уверена, что с фургоном обязательно что-нибудь случится на последних ярдах – так он скрипел и громыхал, однако она, к счастью, ошиблась, и фургон подъехал к воротам целым и невредимым. Им не понадобилось даже объясняться с часовыми – узнав ехавшего впереди Поющего Ветра, они распахнули ворота, и усталые лошади втащили фургон внутрь – за бревенчатый частокол.

Как только фургон остановился, Сара соскочила на землю и огляделась. Во внутреннем дворе форта было темно – двор освещался всего несколькими факелами, – однако она различила силуэты мужчин, которые ходили туда и сюда или курили, закутавшись в одеяла. Чуть в стороне Сара сумела разглядеть приземистые длинные строения из бревен. По всей видимости, это были казармы для солдат. Там же стояло несколько отдельных домиков для офицеров и их семей. В другой стороне располагались конюшни и хозяйственные постройки; пространство посередине было свободно, образуя как бы центральную площадь. Со всех сторон форт окружали высокие бревенчатые стены с бойницами и башенками, на которых стояли часовые. В темноте форт казался совсем небольшим, но именно такие маленькие крепости и служили главной защитой для фермеров и поселенцев в неосвоенных землях. В случае опасности все, кто жил поблизости, собирались за этими крепкими стенами, чтобы держать осаду. Впрочем, Дирфилд был довольно старым фортом, поэтому вокруг него, по преимуществу с южной стороны, образовался уже целый поселок, обнесенный для безопасности частоколом из заостренных бревен, врытых в землю.

Как ни странно, после долгого путешествия, которое оказалось отнюдь не таким легким, как поначалу представляла себе Сара, она чувствовала себя так, словно вернулась домой после долгого отсутствия. Со слезами на глазах она пожимала в темноте чьи-то руки

и бормотала слова приветствия и благодарности. Ощущение было незабываемое, и когда в приливе чувств в ответ на чей-то вопрос она сказала, что четыре дня дороги пролетели для нее как одно мгновение, все вокруг рассмеялись, и Сара засмеялась вместе со всеми.

Тем временем Джонни погнал лошадей к конюшням, чтобы распрячь их, двое проводников ушли с друзьями, а Сара осталась с одним из солдат, который должен был устроить ее на ночлег. Оказывается, полковник Стокбридж, прибывший в гарнизон всего два дня назад, уже обо всем позаботился. Из соображений удобства и безопасности он предпочел, чтобы Сара остановилась в самом форте, а не в поселке, поэтому Сара должна была жить с одной из женщин, муж которой находился в отъезде.

– Идемте, мэм, – сказал солдат и, легко закинув на плечо ее дорожную сумку и мешок, зашагал прочь. Подобрал юбки, Сара последовала за ним, но идти оказалось совсем недалеко. Шагов через двадцать солдат остановился у двери одной из хижин и постучал. На стук открыла миловидная и очень молодая женщина в длинном полотняном платье, фланелевой шали и чепце. В руке она держала сальную свечу, при свете которой Сара сумела рассмотреть, что лицо у нее было сонное и усталое. За ее спиной, в глубине дома, свисали с потолка две детских колыбели, сплетенные из ивовых прутьев.

Солдат быстро объяснил, что привел «ту самую молодую леди, о которой говорил полковник», и юная хозяйка с любопытством посмотрела на гостью.

– Проходите, – сказала она приятным чистым голосом. – Меня зовут Ребекка. Я приготовила для вас комнату.

Сара неуверенно шагнула через порог. Солдат вошел следом и, оставив ее вещи в крошечных сенях, тотчас удалился. В домике было очень тепло, и Сара только теперь почувствовала, как она замерзла.

Сделав еще несколько шагов, она с любопытством огляделась по сторонам. Комната была небольшой, с низким, потемневшим от копоти потолком. В огромном камине пылали дрова – отсветы пламени да свеча в руке Ребекки были единственными источниками света в комнате, но этого оказалось достаточно, чтобы Сара сразу же заметила, что ее молодая хозяйка находится на последних сроках беременности.

На одно краткое мгновение Сара почти позавидовала Ребекке. По всем приметам она жила простой, но счастливой жизнью; ее окружала живописная природа, а рядом были дети, которых она любила, и муж, который любил ее. Совсем другой была жизнь Сары; за восемь лет, проведенных в замке, она не слышала ни одного доброго слова, терпела издевательства и побои, спала с человеком, которого ненавидела всей душой... Впрочем, теперь все это – мучения, несбывшиеся мечты – осталось позади, и Сара чувствовала, как внутри ее что-то оттаивает, возрождаясь для новой жизни.

Потом она вспомнила, как Том Поющий Ветер рассказывал ей о своем божестве. Насколько Сара поняла, каждое живое существо постоянно вело неслышный диалог со всей Вселенной, и сейчас она ощущала в себе нечто подобное этому, слышала какие-то тихие голоса, окликавшие ее издали, и сама вела безмолвный разговор с огнем в очаге, с застывшими деревьями в ближайшем лесу, с высоким ночным небом, полным сияющих звезд. Как сказал Том, Кихтан управлял всем сущим и был безгранично милостив ко всем живым существам; именно он пожелал, чтобы Сара обрела свою свободу, и это было все, чего она хотела.

Пока Сара раздумывала обо всем этом, Ребекка отвела гостью в единственную спальню, которая оказалась еще меньше, чем первая комната. Саре это крошечное помещение живо напомнило каюту, которая была у нее на «Конкорде». Правда, вместо узких подвесных коек здесь стояла настоящая кровать с соломенным матрацем, покрытым шерстяными одеялами, но и она была не слишком большой, хотя и занимала почти все свободное место.

Саре было очевидно, что именно здесь спали Ребекка со своим мужем, но сейчас она предлагала эту кровать гостю, а сама намеревалась перейти в большую комнату, где возле

очага стоял грубый деревянный топчан, застеленный оленьей шкурой. Когда же Сара спросила, где будет спать ее муж, Ребекка объяснила, что он отправился в охотничью экспедицию и все равно не вернется раньше будущей недели.

– Нет, так не пойдет, – решительно возразила Сара, до глубины души тронутая гостеприимством молодой женщины. – Уж лучше я буду спать на топчане. По дороге сюда я спала в фургоне, да еще как спала! Как убитая. Уверю вас, на топчане мне будет удобно, к тому же мне не хотелось бы вас стеснять.

– Нет, что вы!.. – Ребекка смутилась и покраснела. – Вы не должны...

Но Сара не уступала, и в конце концов они договорились, что будут спать вместе на кровати. Отказавшись от ужина, ибо ей не хотелось затруднять хозяйку больше, чем необходимо, Сара быстро разделась, и через пять минут две женщины уже лежали рядом, как сестры. Для Сары это тоже было совершенно новым ощущением, и она как раз раздумывала об этом, когда услышала тихий шепот Ребекки:

– Почему вы приехали сюда? – спросила молодая женщина, очевидно, не сумев совладать со своим любопытством. Сара была очень красива, и Ребекка, конечно же, предполагала, что среди офицеров гарнизона у нее есть возлюбленный, ради которого она и решилась на такое далекое путешествие.

– Я хотела сама увидеть все это... – так же тихо ответила Сара, успев подумать, что они ведут себя точь-в-точь как две девчонки, которые шепчутся перед сном, боясь разбудить спящих в соседней комнате родителей. – Я приехала в Америку из Англии, чтобы начать здесь новую жизнь. Я овдовела недавно, – закончила она, решив, что раз уж она с самого начала назвалась вдовой, значит, ей придется и дальше придерживаться этой спасительной лжи.

– Как это печально, – с искренним чувством отозвалась Ребекка. «Такая молодая, а уже – вдова», – подумала она с легким удивлением. Самой Ребекке едва-едва минуло двадцать, и Сара казалась ей почти ровесницей. Мужу Ребекки был двадцать один год, но они вместе росли и всегда знали, что рано или поздно обязательно поженятся. Отношения, отличные от тех, что существовали между ней и Эндрю, казались Ребекке противоестественными, а уж вообразить себе нечто подобное той жизни, что вынудила Сару бежать из Англии, она и вовсе была не в состоянии.

– Я очень тебе сочувствую, – снова шепнула Ребекка, незаметно для себя переходя на «ты», и Сара не стала ее поправлять.

– Ничего... – ответила она и неожиданно для себя добавила, решив быть честной, насколько позволяла выдуманная ею история: – Не хочу быть неискренней, Ребекка. Я никогда не любила мужа.

– Бедняжка!.. – ахнула Ребекка, а Сара подумала, что готова поделиться с этой полужаночкой своей тайной, которую не доверила бы никому из тех благородных дам, с которыми она так часто встречалась в гостиных Бостона. Должно быть, так на нее подействовало это особенное место, которое было так близко к богу... и к Кихтану.

Вспомнив легенды, которые рассказывал ей Поющий Ветер, Сара не сдержала улыбки. Она хотела спросить Ребекку, что она думает по этому поводу, но молодая девушка опередила ее.

– А ты долго здесь пробудешь? – спросила она и зевнула. Спать ей оставалось совсем мало. В ее чреве только что пошевелился ребенок, а через несколько часов ее разбудят голоса детей, которые спали в колыбельках. В последние дни Ребекка отчаянно не высыпалась и уставала больше обычного, а тут еще Эндрю: как уехал на охоту, дни сразу стали словно вдвое длиннее. Помочь же Ребекке было некому – все ее родные жили далеко отсюда, в Северной Каролине.

– Я пока еще не знаю, – ответила Сара и тоже сладко зевнула, словно заразившись от Ребекки. – Мне кажется, я бы могла остаться здесь навсегда.

В ответ Ребекка недоверчиво улыбнулась, а через минуту она уже спала. Вскоре и Сара погрузилась в сон, все еще не веря, что ее путешествие подошло к концу.

На следующий день Ребекка проснулась задолго до рассвета, разбуженная криком младшего ребенка. Держать малыша на руках ей было уже тяжело да и опасно – она боялась, что родит до срока, но надеяться было не на кого. Ее младшему сыну недавно минул год, но он был довольно слабым и не мог обойтись без материнского молока.

Что касалось ее нынешнего положения, то Ребекка не знала точно, сколько месяцев назад она зачала. Вряд ли это могло случиться больше семи-восьми месяцев назад, хотя живот у нее был огромный. Такого большого живота у нее не было даже в первый раз, когда она носила своего первенца – девочку, которой теперь было около двух лет.

Дел у Ребекки было по горло, поэтому с самого утра ей приходилось крутиться как белке в колесе, чтобы успеть сделать все необходимое. Ей очень не хотелось, чтобы дети разбудили гостью, поэтому она усадила дочь за миску с кашей, сыну всучила хлебную корку, а сама занялась приготовлением завтрака для себя и для Сары, попутно размышляя о том, что, если бы она жила на ферме, ей пришлось бы еще доить коров и задавать корму всей домашней живности. Нет, что ни говори, жить в гарнизоне было не только безопаснее, но и проще.

Сара проснулась без малого в девять утра, но к этому времени Ребекка уже успела одеться, умыться и одеть детей, постирать белье и выложить на противень тесто для хлеба, которое с вечера подходило у очага.

Увидев, как хозяйка хлопчет по дому, Сара почувствовала укол совести. Обычно она вставала намного раньше, но сегодня, после долгого пути, разоспалась. Да и проснулась она не сама – ее разбудил доносящийся снаружи скрип тележных колес и громкое ржание лошадей.

– Проголодалась, наверное? – спросила Ребекка у заспанной Сары. Одной рукой она держала сына, а второй отгоняла дочь от корзинки со швейными принадлежностями.

– Я сама о себе позабочусь. Ты только скажи, где что лежит, – поспешно сказала Сара. – У тебя и без меня забот хватает.

– Что верно – то верно, – согласилась Ребекка без тени огорчения.

Только теперь, при свете дня, Сара сумела разглядеть как следует свою молодую хозяйку. Ребекка была небольшого роста и, если бы не большой живот, казалась бы хрупкой, как тростиночка; заплетенные в косы волосы делали ее совсем юной, так что на вид ей нельзя было дать больше пятнадцати лет.

– Эндрю помогает мне, когда может, – сказала Ребекка, как бы извиняясь. – Но он часто уезжает. Он охотится, добывает мясо для солдат гарнизона и делает много других дел. Так что большую часть времени он очень занят...

Но и у самой Ребекки дел в доме хватало.

– Когда... когда это должно случиться? – спросила Сара с озабоченным и вместе с тем несколько смущенным видом. Ей казалось, что Ребекка может разродиться в любой момент.

– Через месяц или два... Я точно не знаю, – ответила молодая женщина и покраснела. Несмотря на то что ее дети буквально наступали друг другу на пятки, она чувствовала себя здоровой и счастливой. Саре, однако, было очевидно, что жизнь здесь – совсем не такая простая, как она себе представляла. Здесь не было элементарных удобств, к которым она привыкла, – с особенной наглядностью Сара обнаружила это, когда пошла умыться, и вынуждена была сначала разбить лед, образовавшийся за ночь в деревянной бадье с водой.

Нет, определенно, жизнь в Дирфилдском гарнизоне нельзя было и сравнивать с той, которую она вела в Бостоне или еще раньше в Англии, но Сара уже и не собиралась отступать

от своих планов. Пожалуй, здесь она наконец обретет то, ради чего решила бросить мужа и отправиться в полное опасностей путешествие через океан.

Выпив чашку кофе, Сара застелила постель и спросила у Ребекки, что нужно сделать по дому. Оказалось, что Ребекка уже давно собиралась на одну из близлежащих ферм навестить свою подругу, которая недавно родила прелестную дочку, поэтому заранее постаралась освободить сегодняшний день для поездки. Сару такой ответ вполне удовлетворил, и она с чистой совестью отправилась разыскивать полковника Стокбриджа.

Его дом она нашла быстро, однако самого начальника гарнизона на месте не оказалось. Часовой у дверей не мог или не хотел сказать ей, куда он отправился и когда будет, поэтому Сара решила пока осмотреть форт. Ее интересовало буквально все – и солдаты, осваивавшие строевые артикулы под руководством капрала, и кузнец, подковывавший лошадей, и группа офицеров у коновязи, которые курили, обмениваясь шутками, и – особенно – одетые в меховые шкуры индейцы, которые въезжали в ворота небольшими живописными группами или покидали форт. В первое мгновение все они показались Саре похожими на Поющего Ветра, но, взглядевшись пристальнее, она поняла, что ошибалась. Их одежда и головные уборы из какого-то незнакомого меха сильно отличались от тех, которые носил ее проводник, и Сара решила, что это – нантикоки, о которых она слышала в Бостоне. Впрочем, нантикоки были таким же миролюбивым племенем, как и вампаног. В окрестностях Дирфилда, по словам полковника Стокбриджа, вообще не было воинственных племен, и Сара склонна была верить ему, но лишь до тех пор, пока она не увидела группу примерно из двенадцати всадников, которая вдруг появилась в воротах форта.

Это тоже были индейцы, но при виде их Сара похолодела и невольно попятилась. Ничего более устрашающего она в жизни не видела. Казалось, они мчатся прямо на нее; их лошади были в мыле, а от всадников валил густой пар. Смуглые лица, оттененные осевшим на волосах и вокруг губ инеем, были свирепы и беспощадны. Длинные черные волосы индейцев были распущены, и в них были вплетены перья и яркие стеклянные бусинки. Всадники были закутаны в мех, а на двух из них было надето что-то вроде доспехов, сделанных из деревянных дощечек, плотно переплетенных веревками и раскрашенных.

Все это Сара разглядела за считанные мгновения. В следующую секунду воздух вокруг нее заполнился стуком копыт по утопанному снегу, громкими гортанными голосами, произносящими фразы на незнакомом языке, и Сара испытала непреодолимое желание забраться под ближайший фургон.

Но никого, кроме нее, появление индейцев, похоже, не испугало. Даже часовой на воротах, который следил за приближением кавалькады с легким интересом, теперь отвернулся. Между тем всадники промчались совсем рядом с тем местом, где стояла Сара, и она почувствовала, что дрожит от страха.

Эта неосознанная реакция заставила Сару пережить приступ сильнейшего раздражения, которое и помогло ей отчасти справиться с собой, однако она не могла не признать, что зрелище было весьма внушительным и живописным. Можно было подумать, что рядом с ней пронесся небольшой ураган, вздыбивший утопанный снег и обдавший ее холодным ветром. От этой небольшой группы людей веяло монолитным единением, неким неведомым ее пониманию единством, которое внушало ей одновременно и зависть, и ужас. Вот один из них что-то прокричал, и вся группа отозвалась дружным смехом, который прогремел в ушах Сары словно гром.

Осадив коней у самой коновязи, всадники начали один за другим спешиваться. Несколько солдат лениво наблюдали за ними, но индейцы продолжали переговариваться между собой, не обращая никакого внимания на чужие взгляды. Несомненно, это не было нападение, но у Сары почему-то сложилось впечатление, что индейцы приехали в форт по какому-то очень важному делу. Быть может, рассудила она, это что-то вроде делегации или

посольства. Приезжие индейцы действительно держались с большим достоинством, а исходящее от них ощущение единства могло быть вызвано как сознанием важности своей миссии, так и вполне понятным чувством настороженности, которую испытывают, к примеру, парламентарии в стане врагов.

Пользуясь тем, что на нее по-прежнему не обращали внимания, Сара заняла удобную позицию возле одного из фургонов и стала внимательно разглядывать предводителя индейцев. Отчего-то он заинтересовал ее больше других, но и боялась она его едва ли не сильнее, чем всех остальных, вместе взятых. Чертами он отдаленно походил на европейца, но выражение свирепости и отваги на его смуглом лице было таким же, как и у его спутников. Как и они, он был одет в меховую шкуру и вышитые мокасины, а его длинные черные волосы развевались по ветру при каждом шаге, при каждом движении гордо посаженной головы. Держался он смело и независимо, со свободной грацией опасного дикого животного, и по тому, как остальные отвечали на его вопросы, Сара поняла, что они весьма его уважают. И дело было вовсе не в том, что он был главой делегации или, скажем, вождем, как отец Поющего Ветра. Этот воин был прирожденным лидером, и это чувствовалось и в интонации, с какой он произносил какие-то обращенные к соплеменникам слова, и в каждом его жесте и движении.

Она как раз раздумывала о том, сколько ему может быть лет, когда индеец внезапно повернулся к ней, и, застигнутая врасплох, Сара вздрогнула от неожиданности и страха. Кажется, она даже подпрыгнула на месте, но на бронзовом лице воина не дрогнул ни один мускул, чего, наверное, нельзя было сказать о ней. Сара была абсолютно не готова к тому, чтобы глядеть в глаза мужчине, какой бы необычной и экзотической ни была его внешность. Для нее индейский воин был чем-то вроде картины, которую Саре хотелось как следует рассмотреть, однако, когда картина повернулась и стала рассматривать ее, она почувствовала себя крайне неудобно.

Нет, в каждом движении его сильного тела, в каждом быстром и плавном жесте и даже в его непроницаемом взгляде была своя музыка, которую Сара готова была слушать снова и снова, однако вместе с тем он пугал ее чуть не до потери сознания. Вместе с тем в глубине души Сара почему-то была уверена, что он не причинит ей вреда. Просто он был владыкой Неведомого, принцем Неизвестности; он представлял целый мир, о котором Сара могла только мечтать, а неизвестное всегда страшит.

Саре показалось, что они смотрят друг другу в глаза уже целый час, хотя на самом деле прошло едва ли несколько мгновений. Пристальный, холодный взгляд индейского вождя проник в самую глубину ее души, достиг середины и... ушел в сторону. В следующий миг индеец повернулся и стал подниматься по ступеням крыльца, ведущего к кабинету полковника, а Сара с ужасом осознала, что дрожит как в лихорадке. Колени ее подгибались, ноги стали ватными, и в конце концов она ухватилась за край фургона, чтобы не упасть. Машинально она провожала глазами других индейцев, которые, сняв груз с четырех выючных лошадей, повели их к стойлам, но мысли ее были заняты совсем другим. Сара гадала, к какому племени может принадлежать человек, который произвел на нее такое сильное впечатление, зачем он приехал в Дирфилд и почему они ворвались в ворота так, словно за ними гнались все демоны ада. Но ответов на эти и другие вопросы у нее не было.

Ей понадобилось несколько минут, чтобы перестать дрожать и прийти в себя. Убедившись, что ее ноги в состоянии двигаться, Сара медленно пересекла площадь. Навстречу ей попался какой-то солдат, и она, не сдержавшись, спросила у него, из какого племени были эти индейцы.

– Это ирокезы, – равнодушно пояснил солдат. Ирокезов он видел часто, чего нельзя было сказать о Саре. Появление этой группы было к тому же весьма живописным, и Сара подумала, что не забудет этой картины до конца своих дней.

– Собственно говоря, это не совсем ирокезы, это сенеки, – продолжал солдат, радуясь возможности блеснуть своими познаниями перед незнакомой молодой леди. – Сенеки входят в Лигу ирокезов. А один из них – кайюга. Онондага, кайюга, сенека, онейда и могауки – все эти племена составляют конфедерацию ирокезских племен. Последними – лет семьдесят назад – к ним присоединились еще и тускароры, которые пришли в наши края из Северной Каролины. Но в этой компании только сенеки. Только один, вот тот, что помельче, из племени кайюга.

– Их вождь производит впечатление, – медленно сказала Сара. – Я даже испугалась...

На самом деле она испугалась довольно сильно. В этом суровом и свирепом лице воплотились для нее все ужасы и опасности Нового Света, и хотя сейчас она уже справилась со своим страхом, несколько минут назад она была почти в панике. Помогало Саре и сознание того, что здесь, в гарнизоне, ей ничто не грозит; кроме того, несмотря на свой устрашающий вид, индеец не произвел никакого впечатления ни на кого, кроме нее.

– Это какой же из них? – спросил солдат. – Как его зовут?

Но Сара могла только описать так испугавшего ее воина.

– Я его, похоже, не знаю, – покачал головой солдат. – Может быть, это сын одного из ирокезских вождей. А может, я ошибся, и с ними приехал кто-то из могауков – они действительно выглядят более устрашающе. Особенно в боевой раскраске, – добавил он, ухмыляясь, но Сара была уверена, что на лице воина не было ни краски, ни татуировки. И это, пожалуй, было к лучшему, потому что при виде раскрашенного по всем правилам воина она, наверное, могла бы лишиться чувств.

Поблагодарив солдата за те сведения, которые он ей сообщил, Сара отправилась разыскивать полковника, успевшего к этому времени вернуться из своей утренней поездки.

Судя по выражению лица полковника Стокбриджа, он был весьма доволен результатами рекогносцировки. Все было в порядке, никаких подозрительных следов они не обнаружили, к тому же отряду удалось добыть пару оленей, а значит, гарнизон был на несколько дней обеспечен свежим мясом. Увидев Сару, входившую к нему в кабинет, полковник с трогательной поспешностью поднялся ей навстречу. Полковнику казалось, что с тех пор, как они виделись в Бостоне, прошло как минимум несколько месяцев. Он был рад, что путешествие прошло нормально и что с Сарой ничего не случилось, да и просто смотреть на ее прекрасное, одухотворенное лицо и горящие внутренним огнем глаза Стокбриджу было приятно. Сара выглядела очень привлекательно даже в простом коричневом шерстяном платье, легкой меховой накидке и маленькой шляпке. Кожа ее словно светилась, как снег на заре, а губы, казалось, умоляли о поцелуе, и, будь полковник помоложе, ему было бы очень нелегко совладать с собой.

Вместе с тем держалась Сара со скромным достоинством, а ее румянец и блеск глаз свидетельствовали, несомненно, только о той радости, которую она испытывала от пребывания в этом удивительном месте. Если и было в Саре что-то чувственное, то оно было столь неуловимо, столь глубоко запрятано, что его легко можно было принять просто за отзывчивость, дружелюбие или природную доброту.

С самого порога Сара принялась благодарить полковника за то, что он позволил ей приехать, и Стокбридж смущенно фыркнул.

– Амелия всегда считала поездки сюда чем-то вроде испытания огнем, – произнес он. – Она не так уж часто навещала меня в гарнизоне, но каждый раз – начиная с того момента, как она появлялась здесь, и вплоть до ее отъезда – мне постоянно хотелось перед ней извиниться – такое у нее было лицо.

Говоря это, полковник подумал, что за последние пять лет его жена побывала в Дирфилде всего один или два раза. Амелии было уже сорок девять, и она считала себя уже слиш-

ком старой для путешествий. Как бы там ни было, полковнику было гораздо проще навещать жену в Бостоне, чем настаивать на ее приездах в гарнизон.

Сара была совсем другой. Отчего-то Стокбриджу казалось, что эта страна и она удивительно подходят друг другу. Будучи уверен, что Сара не поймет его превратно, он даже позволил себе шутливо заметить, что его гостя – прирожденный поселенец, и Сара улыбнулась в ответ. Его комплимент она поняла и приняла. Во всяком случае, из кабинета полковника она вышла еще более воодушевленной.

В тот же день ближе к вечеру состоялся небольшой прием в ее честь, на который были приглашены офицеры гарнизона с женами. Сначала Сара боялась, что окажется в центре всеобщего внимания, однако на деле все оказалось не так страшно. Единственным неприятным для нее моментом было присутствие лейтенанта Паркера, который не отходил от Сары ни на шаг и был все так же несносен. Все ее усилия избавиться от назойливого кавалера ни к чему не привели, хотя она и разговаривала с ним довольно строго. Лейтенант никак не реагировал на ее недвусмысленные намеки, и Сара уже начинала побаиваться, как бы в своей самонадеянности лейтенант не принял ее резкость за проявление интереса к своей персоне. Не исключала Сара и того, что его поведение, возможно, убедило некоторых гостей в том, что она приехала в Дирфилд только ради лейтенанта Паркера.

– Ничего подобного, – отрезала Сара, когда одна из дам, жена майора-артиллериста, спросила ее об этом. – Во-первых, я недавно овдовела и знаю, что прилично вдове, а что – нет. Кроме того, мистер Паркер не в моем вкусе, хотя он, возможно, весьма достойный джентльмен и отважный воин.

При этом она состроила самую постную мину, хотя на самом деле ей хотелось смеяться. К сожалению, Саре вряд ли удалось убедить майоршу.

– Но ведь вы не собираетесь оставаться в одиночестве до конца жизни, дорогая миссис Фергюссон?! – сказала дама, одобрительно поглядывая на представительного лейтенанта.

– Именно это я и собираюсь сделать, – заявила Сара чуть резче, чем следовало, и подошедший к ним полковник Стокбридж поспешил сгладить неловкость ситуации шуткой.

Начиная с этого момента он потихоньку наблюдал за гостями и, заметив, что Сара собирается уходить, приблизился к ней.

– Позвольте предложить вам мое покровительство? – вполголоса спросил полковник, незаметно кивая в сторону лейтенанта Паркера, который уже занял пост у входной двери, надеясь проводить Сару хотя бы до дома Ребекки.

Сара с благодарностью улыбнулась в ответ. Полковник прекрасно разобрался в ситуации и предлагал ей, пожалуй, наилучший выход из неловкого положения. В конце концов, Сара была его гостей, и не ее вина, что пылкие чувства лейтенанта Паркера не нашли в ее душе никакого отклика.

– Я буду вам признательна, – произнесла Сара заговорщическим шепотом, и полковник с улыбкой предложил ей свою руку. Видя это, лейтенант Паркер шагнул было к ним, но полковник, в самых изысканных выражениях поблагодарив его за готовность сопровождать гостью, сказал, что сделает это сам. Заодно он напомнил лейтенанту, что утром ждет его у себя, и тот почтительно кивнул головой, хотя лицо у него заметно вытянулось. Сара уже знала, что на завтрашнее утро запланировано заседание штаба, на котором должны обсуждаться результаты переговоров с каким-то воинственным индейским вождем по имени Маленькая Черепаша, и что на нем должны присутствовать все офицеры гарнизона.

Между тем лейтенант поклонился Саре и в расстроенных чувствах отошел в сторону. Сара и полковник Стокбридж вышли на улицу.

– Позвольте извиниться перед вами за лейтенанта Паркера, – сказал полковник. – Мне, право, очень жаль, что он надоедает вам. Впрочем, я его понимаю, хотя и не оправдываю – лейтенант молод, а ваша красота совершенно заворожала его. Будь я лет на тридцать моложе,

я бы, наверное, испытывал те же чувства. К счастью, у меня есть Амелия. Хотя она и далеко, но воспоминания о ней заставляют меня вести себя прилично.

Сара весело рассмеялась и, слегка покраснев, поблагодарила полковника за комплимент.

– Лейтенант не желает понять, что я не собираюсь больше выходить замуж, – пожаловалась она. – Я сказала ему об этом так ясно, как только позволяли приличия, но он, похоже, продолжает считать, будто я... кокетничаю с ним. А ведь я действительно решила никогда не...

– Надеюсь, что вы еще передумаете, – уверенно сказал полковник. – Если же нет, то, боюсь, с вашей стороны это будет ошибкой. Вы еще достаточно молоды, и отгораживаться глухой стеной от жизни, которая кипит вокруг вас, было бы просто непростительно. У вас впереди еще целая жизнь, и все предстоящие годы могут быть счастливыми – так зачем же добровольно отказываться от своего счастья? Зачем хоронить себя заживо?

Сара не стала возражать добросердечному полковнику, хотя и продолжала считать, что вряд ли изменит свое решение. Стремясь уйти от опасной темы, она заговорила о другом – о завтрашнем заседании штаба и об угрозе со стороны индейцев шауни и майами. Рассказывая об этом – а Сара то и дело задавала ему новые вопросы, – полковник так увлекся, что, когда они оказались у дверей дома Ребекки, ему было жаль с ней расставаться. Стокбриджу очень хотелось, чтобы его собственные дочери проявляли такой же горячий интерес к его работе, но увы – они были слишком поглощены своими семьями и светской жизнью Бостона, чтобы задуматься о том, что делает их отец среди дикарей и зачем он торчит в этом отдаленном гарнизоне. В отличие от них Сара гораздо больше интересовалась этими еще не обжитыми краями; она словно чувствовала, какие силы, какие фантастические возможности они в себе таят. Несмотря на некоторые трудности чисто практического характера, ее приезд в Дирфилд не доставил Саре ничего, кроме радости, и полковник почувствовал в ней родственную душу.

Прежде чем они расстались, Сара еще раз поблагодарила полковника Стокбриджа за прием в ее честь и за угощение: нежнейшую оленину с овощами и кореньями, приготовленную по индейскому рецепту. Полковник был так польщен и растроган, что, когда Сара робко намекнула, что хотела бы осмотреть окрестности и попросила порекомендовать человека, который мог бы сопровождать ее в этой поездке, он с готовностью кивнул.

Когда Сара вошла в дом, она обнаружила, что Ребекка уже спала. Оба малыша тоже спали. В очаге дотлевали угли, и, хотя они давали кое-какое тепло, в комнате было довольно прохладно, поскольку целый день здесь не топили. Время было позднее, но Сара была слишком взволнована, чтобы ложиться спать. Подбросив дров, она раздула в очаге огонь, повесила на крюк закопченный медный чайник, а сама снова вышла на улицу, чтобы немного постоять на улице.

Стоя у крыльца, Сара размышляла о завтрашней поездке, о том, что рассказал ей полковник, и о свирепых индейцах, которых она видела днем. Она даже попыталась представить себе, как могли бы выглядеть индейцы в полной боевой раскраске, но вздрогнула от страха и постаралась выкинуть эти глупости из головы. Как хорошо, подумала Сара, что она никогда не видела их воочию и, бог даст, никогда не увидит.

К этому времени Сара уже могла с уверенностью сказать, что ей нравится эта часть Нового Света и нравятся люди, ее населяющие, – и белые, и краснокожие, однако она не испытывала ни малейшего желания отправиться на запад, где селились лишь самые отважные пионеры. Хорошо представляя себе, какая у них тяжелая и опасная жизнь, Сара понимала, что такое ей не по силам. Другое дело – Дирфилд. Здесь она готова была остаться хоть навсегда.

Размышляя обо всем этом, Сара незаметно для себя отошла довольно далеко от домика Ребекки. Вокруг было тихо, но Сара знала, что ей нечего бояться. Правда, большинство обитателей гарнизона уже спали, но переключка часовых на стенах вселяла в нее спокойствие. Саре очень нравилось шагать по поскрипывающему снегу, вдыхать чистый морозный воздух и глядеть в небо, усыпанное яркими, как бриллианты, звездами. В эти минуты она как никогда остро ощущала себя частицей мироздания, крошечной пылинкой на ладони бога Кихтана, который взирал на нее тысячью глаз.

Под ногами Сары хрустнула какая-то веточка, и она опустила взгляд, чтобы посмотреть, что это такое. Когда Сара снова подняла голову, она вдруг увидела, что в трех шагах от нее молча стоит какой-то человек. Его брови были сурово сдвинуты, лицо напряжено, а глаза опасно поблескивали. Вся его поза свидетельствовала о готовности немедленно нападать или защищаться, и, хотя у него не было никакого оружия, Сара мгновенно поняла, что этот человек в состоянии справиться с ней и голыми руками – такими мощными были его плечи и шея.

Не сдержав испуганного восклицания, Сара попятилась назад, но запуталась в своей длинной юбке и чуть не упала. Этого человека она узнала с первого взгляда – перед ней был тот самый молодой вождь ирокезов, который произвел на нее такое сильное впечатление. Да что там впечатление – откровенно говоря, он напугал ее, а ведь в первый раз она видела его при свете дня, когда вокруг было полно солдат. Сейчас же была ночь, и рядом не было никого, кроме часовых на стенах, которые наблюдали за подступами к стенам форта, не замечая того, что творилось во внутреннем дворе.

Саре вдруг показалось, что сердце у нее сначала остановилось на несколько долгих секунд, а потом забилось так часто и сильно, что едва не выскакивало из груди. Индеец молча смотрел на нее, и она не знала, нападет он на нее или нет. Судя по его мрачному взгляду и сподлобью, Сара вряд ли могла полагать себя в совершенной безопасности.

Несколько ужасных мгновений, которые тянулись бесконечно медленно, они оба оставались неподвижными, и никто из них не произнес ни слова. Взгляд дикаря как будто парализовал Сару, но она не побежала бы от него, даже если бы ноги слушались ее. Индеец мог легко догнать ее и придушить. Или ударить ножом. Даже если бы ей удалось убежать от него, вернуться в хижину Сара все равно не могла – это означало бы подвергнуть страшной опасности жизни Ребекки и ее детей. Позвать на помощь она тоже не смела – она была уверена, что индеец нападет на нее прежде, чем она успеет открыть рот.

Таким образом, Саре не оставалось ничего иного, кроме как стоять неподвижно, хотя сказать это было гораздо проще, чем сделать. При каждом взгляде на его длинные, смазанные жиром волосы, в которые было вплетено длинное орлиное перо, по спине Сары пробегал холодок, и ей приходилось сдерживаться, чтобы не стучать зубами. Лицом индеец напоминал хищного ястреба, но, несмотря на некоторую резкость его черт, Сара не могла не отметить, что он, несомненно, красив.

Неожиданно индеец заговорил, и Сара снова вздрогнула от удивления и страха.

– Что тебе здесь нужно? – спросил он на чистейшем английском, хотя от Сары не укрылся какой-то легкий акцент, показавшийся ей смутно знакомым.

– Я... – Сара прилагала все силы, чтобы взять себя в руки и не показать ему своего страха, но ей это плохо удавалось. Тело ее было слишком напряжено, а язык от испуга словно прилип к гортани.

– Я здесь в гостях у полковника Стокбриджа, – проговорила наконец Сара, от души надеясь, что имя начальника гарнизона образумит индейца. Дрожь страха продолжала сотрясать ее тело, но Сара надеялась, что в темноте это не бросится в глаза ее собеседнику.

– Зачем ты приехала? – спросил он таким тоном, словно появление Сары в Дирфилде каким-то образом нарушило его планы или рассердило, но Сара поняла, что он имеет в виду.

Или думала, что понимает. Для индейца она была лишь еще одним завоевателем, еще одним чужаком в его стране – непрощеным гостем, которого едва терпят.

Потом она подумала, что его акцент напоминает французский. Должно быть, решила она, он не ирокез, а гурон, и учил английский у кого-то из французских солдат или офицеров.

– Я приехала сюда из Англии, – сказала она негромко, но, к своему собственному удивлению, довольно спокойно. – Я приехала, чтобы начать здесь новую жизнь.

Только потом она сообразила, что индеец вряд ли сумеет понять ее. Ему должно было быть ясно только одно – что она приехала в Новый Свет вовсе не для того, чтобы какой-то краснокожий безжалостно прикончил ее под звездным небом на самой прекрасной земле, которую она когда-либо видела. Она не позволит ему сделать это, как не позволила забить себя до смерти собственному мужу.

– Ты не принадлежишь этому миру, – сказал индеец, и его жесткое лицо чуть заметно смягчилось, а Сара подумала, что такого странного разговора она еще никогда ни с кем не вела. – Уезжай обратно – туда, откуда приехала. Здесь и так уже слишком много бледнолицых.

Он знал, что говорит. На протяжении многих лет он видел, как бледнолицые пришельцы захватывают принадлежащие индейцам земли, выжигают леса, уничтожают бобров и кунит, возводят крепости и поселки. Он знал, что дальше будет еще хуже, хотя мало кто из его соплеменников понимал это так отчетливо и ясно, как он. Катастрофа была еще слишком далека, чтобы сквозь толщу времен можно было разглядеть ее черты, но она была неотвратима, как закат. Как ночь, которая неизбежно приходит вслед за сумерками. Только для его народа эта ночь уже никогда не кончится.

– Ты не понимаешь, – сказал он чуточку мягче. – Здесь опасно, женщине не нужно тут быть.

Сара так удивилась, что перестала дрожать. Зачем он все это говорит? Почему ей? Почему он счел нужным предупредить ее? Разве он не собирался убить ее и снять скальп? Какое ему, наконец, дело?.. Впрочем, эта земля действительно принадлежала ему и его индейским предкам – все равно, гуронам, ирокезам или шауни, – так что он, пожалуй, имел право так разговаривать с ней.

– Я понимаю тебя, – негромко сказала она. – Но мне... мне некуда возвращаться. У меня нет никого в целом мире. И дома тоже нет. В Дирфилде мне очень, очень нравится, и я хотела бы остаться здесь навсегда.

Она сказала это искренним тоном, боясь еще больше рассердить его и в то же время желая дать ему понять, как сильно пришлось ей по душе его страна. В конце концов, она приехала сюда не для того, чтобы отнимать у индейцев их охотничьи угодья и разорять их жилища. Совсем наоборот – она приехала для того, чтобы отдать этой земле всю себя. Это было все, чего Сара хотела, и ей казалось, что, поняв ее, индеец не станет на нее сердиться.

Индеец немного помолчал, потом задал ей еще один вопрос:

– У тебя нет мужчины. Одна ты не сможешь здесь жить. Кто будет о тебе заботиться?

В ответ Сара только пожала плечами. Можно было подумать, что это волнует его больше, чем ее. Если он собирался убить ее, этот вопрос не имел вообще никакого смысла. Если же нет – а Сара уже начала надеяться остаться в живых, – то какое ему дело? Она сумеет о себе позаботиться, что бы ей ни говорили.

Саре было невдомек, что весь гарнизон судил и рядил о том, кто она такая и что собирается делать, и он не мог не слышать хотя бы обрывков этих разговоров. Ее затея ни при каких условиях не могла ему понравиться, и он без обиняков заявил ей об этом.

– Я научусь жить одна, – сказала Сара. – Думаю, это будет не так трудно, как кажется.

Но индеец только покачал головой. Самоуверенное невежество и глупость большинства поселенцев не переставали изумлять его. Почти все они считали, что достаточно прие-

хоть сюда, захватить кусок земли получше – и дело сделано. Никто из них не задумывался о том, какую цену им придется в конце концов за это платить. Индейцы веками сражались и умирали за свою землю. И поселенцы умирали тоже – и гораздо чаще, чем это признавалось в официальных отчетах. Болезни, несчастные случаи, дикие звери, голод, нападение индейцев – все эти причины косили их, как траву. Женщина, живущая одна на ферме в неосвоенном, диком краю, не имела никаких шансов уцелеть.

Неужели, задумался он, эта женщина настолько глупа или она просто безумна? Но, поглядев на ее бледное лицо, озаренное луной, на темные волосы под капюшоном плаща, на испуганные глаза, он подумал, что дело здесь в чем-то другом. Эта женщина была похожа на видение – удивительное видение, которое вдруг возникло из темноты.

Точно такой же она была утром, когда он увидел ее в первый раз. Ее неземная красота поразила и испугала его, и он успел только разглядеть, что глаза у нее – яркого голубого цвета. Весь сегодняшний день – и до встречи с полковником, и после нее – он думал только об этой женщине, искал встречи с нею и никак не мог избавиться от этого наваждения.

– Уезжай отсюда, – сказал он. – Ты глупа. Одна ты погибнешь здесь.

Сара улыбнулась, и он неожиданно увидел в ее глазах нечто такое, что снова напугало его до дрожи. В этих блестящих больших глазах была такая бездна страсти, что в них легко можно было утонуть. За всю свою жизнь он видел, знал только одну такую женщину... Она была из ирокезов, из племени сенека. Ее звали Плачущая Ласточка... но он никогда не называл ее иначе, чем Нежная Голубка.

Но индеец ничего не сказал Саре. Он только долго смотрел на нее и молчал, зная, что она не посмеет уйти. Неожиданно он повернулся и в три прыжка скрылся в темноте.

Когда ее опасный собеседник исчез, Сара перевела дух и вытерла со лба холодный пот. До дома Ребекки было дюжины две шагов, но она преодолела их в одно мгновение.

Глава 3

О своем ночном разговоре со страшным индейцем Сара никому не сказала. Она и сама не разобралась, что же такое между ними произошло, а кроме того, она боялась, что полковник, когда до него дойдут слухи о ночной встрече, не разрешит ей ходить одной даже по территории гарнизона.

На следующее утро Сара сразу же отправилась в кабинет Стокбриджа, чтобы напомнить ему о вчерашнем обещании. Полковник был человеком слова. Сара узнала, что он уже нашел ей сопровождающего, с которым она могла бы проехаться по окрестностям.

Это оказался зеленый новобранец, которого капрал по приказу своего непосредственного начальника специально освободил от строевых занятий. Он был очень молод, застенчив и совершенно не ориентировался на местности, поскольку только недавно прибыл в Дирфилдский гарнизон. Когда Сара спросила его, где ей следует побывать в первую очередь, он просто не знал, что сказать, поскольку ни он сам, ни его командир не знали, зачем полковник приказал предоставить его в распоряжение гостя. К счастью, Сара припомнила, что накануне вечером, во время приема, одна из дам упомянула некое живописное местечко под названием Шелбурн. По ее словам, там был даже водопад, хотя Сара была уверена, что сейчас он наверняка замерз. Туда-то она и предложила отправиться, но Уилл Хатчинс – так звали юношу – сказал, что не знает этого места, хотя ему и приходилось слышать, что это где-то совсем недалеко.

Как бы там ни было, поворачивать назад было уже поздно, да Сара и не стала бы этого делать, и они продолжали медленно ехать по склонам отлогих холмов, любясь нетронутой белизной снега, заснеженными кронами сосен и елей. Вернее, любовалась одна Сара; спутник же ее беспокойно вертел головой, вздрагивая каждый раз, когда из голубоватых теней под деревьями шарахались в чащу грациозные карибу или когда с мохнатых елей срывалась, обрушивая вниз водопады искрящегося снега, вспугнутая ими птица.

В полдень Уилл предположил, что им пора возвращаться, – ему не нравились плотные снеговые тучи, которые напоздали с востока, но Саре хотелось проехать еще немного. Лошади пока не проявляли никаких признаков усталости; к тому же они так и не увидели водопадов, поэтому Саре удалось без труда убедить Уилла, что не случится большой беды, если они углубятся в лес еще на пару миль. Сара не сомневалась, что они в любом случае сумеют вернуться в Дирфилд до наступления темноты, поскольку всю первую половину дня они двигались небыстрым шагом и вряд ли успели слишком удалиться от форта. Кроме того, она пребывала в совершенной уверенности, что в этой волшебной, прекрасной стране с ними просто не может случиться ничего дурного.

Примерно через полчаса неспешной езды они остановились, чтобы дать лошадям передохнуть, и сами наскоро перекусили сыром и хлебом, который лежал у них в седельных сумках. Запив свой скромный обед чуть теплым чаем из фляги, сделанной из тыквы и обшитой толстым войлоком, они двинулись дальше, и около двух часов пополудни Сара увидела водопад.

Она сразу поняла, что это – именно то самое место, которое она искала. Водопад не замерз, и окутанный паром поток воды, падавшей с высоты около пятнадцати футов, вливался в небольшое озерцо, окаймленное черными валунами неправильной формы, на которых блестели причудливые ледяные наросты. Над наполовину затянутым льдом озерцом стелился пар, и кусты по его берегам, покрытые инеем и сосульками, напоминали алмазный сад фей.

Это и был Шелбурнский водопад, который в тот день Сара впервые увидела своими глазами. Он действительно был удивительно красив, и Сара простояла бы возле него неиз-

вестно сколько времени, если бы Уилл, гораздо менее восприимчивый к красотам природы, не напомнил ей о необходимости возвращаться. По всему было видно, что ему не терпится вернуться в казарму засветло, хотя на это надеяться уже не приходилось, – за вычетом времени, которое они потратили на обед и созерцание природы, они находились в пути уже больше четырех часов. Будь дорога ровней, они могли бы пустить лошадей в галоп, но лесная тропа была для этого слишком опасной.

Уилл хорошо знал, что если с этой женщиной что-нибудь случится – неважно, по его вине или по вине нехстати споткнувшейся лошади, – то ему сполна достанется от полковника. Кроме того, какими бы мирными ни были живущие поблизости индейцы, прогулки за стенами форта после наступления темноты по-прежнему внушали ему страх. В темноте можно было наткнуться на охотников за скальпами или на медведя. Уилл, правда, вспомнил, что зимой медведи спят, но это его нисколько не успокоило. Можно было просто заблудиться, наконец, что при его знании местности было почти равносильно тому, чтобы своими руками перерезать себе горло. Вот и сейчас, солнце еще не зашло, а он уже не знал, куда ехать...

Эти мысли всерьез терзали юношу, но Сара об этом не подозревала. Она не знала даже, что Уилл попал в Дирфилд только в ноябре и что после того, как лег глубокий снег, солдаты почти не выходили из форта в лес. Она полагалась на опыт полковника, который знал ее уже достаточно хорошо, но капрал, который из всего вверенного ему взвода выбрал именно Уилла, полагал, что приезжая дамочка хочет просто прокатиться верхом вокруг форта. Он не догадывался, какое жгучее любопытство снедает Сару, не подозревал, как далеко оно может завести ее и ее неопытного спутника. Между тем, как правильно определила Сара, они находились в местечке Шелбурн, в двадцати милях севернее Дирфилда.

Уезжать от водопада Саре очень не хотелось, но, прислушавшись к голосу разума, она решила, что всегда сможет вернуться сюда еще раз. Жалея о том, что не может зарисовать этот уголок дикой природы, который казался ей прекраснейшим на земле, она вернулась в седло, и они тронулись в обратный путь.

Не успели они, однако, проехать и полутора миль, как Сара вдруг осадилла лошадь и замерла в седле, словно она вдруг вспомнила о чем-то важном.

Увидев, что Сара оглядывается по сторонам, Уилл тоже остановил коня. Молодая женщина как будто прислушивалась, и он тоже наострил уши, но ничего не услышал и едва не заплакал от страха. Почему-то ему сразу подумалось о военном отряде индейцев, которые незаметно просочились в окрестности Дирфилда с запада и теперь рыщут по лесам, ища, с кого бы снять скальп.

Спросить, в чем дело, он не осмелился, боясь, что даже малейший звук может привлечь к ним внимание врагов. Тогда он стал смотреть в ту же сторону, куда смотрела Сара, но не заметил ничего подозрительного. Перед ними расстилалась обширная поляна, окруженная со всех сторон могучими старыми елями. В дальнем конце ее виднелась прогалина, сквозь которую хорошо просматривалась лежащая внизу долина, но и она выглядела безлюдной и пустынной.

– Что случилось? – спросил упавшим голосом Уилл, в котором страх неизвестности победил все остальные чувства.

– Кому принадлежит эта земля? – неожиданно спросила Сара, и солдат слегка растерялся.

– Правительству, я думаю, – ответил он неуверенно. – Но вам лучше спросить у полковника.

В довершение всех неприятностей Уилл начинал замерзать, а казарма была еще так далеко!

Но Сара почти не слышала его. Она нашла то, что искала. Именно такую поляну она тысячи раз видела во сне, именно к ней она бессознательно стремилась всю свою жизнь, именно сюда она спешила через ветры и штормы Атлантики. Поляна предстала перед ней как наваждение, как мираж, но вместе с тем каждой клеточкой своего тела Сара чувствовала, что она существует где-то на земле, и наконец она нашла ее.

Когда-то, подумала Сара, эта поляна, несомненно, принадлежала индейцам, но ее отняли у них. Это было магическое место, куда собирались для бесед духи леса, воздуха и земли, но сейчас оно было пустым и безмолвным. И Сара представила себе дом... свой дом на этой поляне, и у нее захватило дух. Место было волшебным. Где-то под снегом – она слышала это отчетливо – журчал невидимый ручей, да и водопад, который так восхитил ее, был совсем рядом, так что – если прислушаться – можно различить шум низвергающейся со скалы воды. Или это от волнения кровь шумит у нее в ушах?..

Сара тряхнула головой и вдруг увидела нескольких оленей, пересекавших поляну с севера на северо-восток. Это было как добрый знак, как послание от владыки Вселенной Кихтана, о котором рассказывал ей Поющий Ветер. Кихтан приветствовал ее в своих владениях, и Саре вдруг стало совершенно ясно, что она принадлежит этой земле – совсем как трава, которая летом росла на этой поляне, как эти деревья, как снег, который по весне растает и уйдет в душистую мягкую почву, чтобы потом встать над водопадом семицветной радугой.

Между тем снеговые облака все плотнее затягивали небо, да и день неумолимо и стремительно клонился к вечеру. В лесу стало заметно темнее, и солдат рядом с ней занервничал пуще прежнего.

– Нам пора ехать, миссис Фергюссон, – несмело сказал он. – Уже поздно...

Он не хотел, чтобы она знала, как он боится, но голос выдавал его страх. В конце концов, ему было только семнадцать лет, и его еще многое пугало... в том числе и эта странная женщина.

– Нам нужно только спуститься вниз по этому склону и, как только мы окажемся в долине, двигаться на юго-восток, – спокойно ответила Сара. – Так мы сократим путь миль на пять.

У нее было неплохо развито чувство направления, но Уилл этого не знал. Он сделал еще одно нетерпеливое движение, и, как ни хотелось Саре задержаться подольше на приглянувшейся поляне, она поняла, что им действительно пора возвращаться. Она не сомневалась, что сумеет без труда отыскать это место снова; даже если будут какие-то трудности, достаточно будет только попросить, чтобы кто-то проводил ее к водопаду, а уж оттуда она дойдет до своей поляны хоть с завязанными глазами.

Коротко вздохнув, Сара тронула поводья. Мальчик был прав – в лесу сделалось темно и неудобно, а в верхушках деревьев завыл поднимающийся ветер. Правда, в отличие от Уилла Сара почти не испытывала страха, но теперь и она была не прочь оказаться возле пылающего очага с чашкой горячего кофе в руках.

Следующие два часа они ехали молча. Дорога, хоть и шла под уклон, была трудной, но это не мешало Саре по-прежнему наслаждаться путешествием. Ее лошадь как будто плыла по снежному морю, уверенно рассекая грудью морозный воздух, и горячее дыхание животного отлетало паром. Вскоре уклон кончился, лес поредел, и путники оказались в долине, на берегах замерзшей реки. Перейдя ее по льду, они пересекли долину и, когда в воздухе закружились первые снежинки, снова углубились в лес. Здесь они сразу отыскивали подходящую тропу, которая вела в ту сторону, куда им было нужно, и двинулись по ней.

Лошади по-прежнему не выказывали никакой усталости, тропа была достаточно широкой, а снег – не слишком глубоким. Только раз или два, когда тропа разветвлялась, они останавливались, не зная, куда свернуть, но в конце концов Сара, положившись на свою интуи-

цию, направляла лошадь в ту или другую сторону. Она была уверена, что до Дирфилда уже совсем недалеко, однако, когда они во второй раз выехали на небольшую прогалину, которую пересекли всего минут двадцать тому назад, Сара поняла, что она ошиблась. Должно быть, в сгустившихся сумерках она не туда свернула или пропустила нужный поворот, но где его теперь искать, она не представляла.

Остановив лошадь, Сара попыталась спокойно сориентироваться, но она явно не знала, куда им следовать дальше. И все же с самым решительным видом она пустила лошадь рысью, направив ее между деревьями... и через полчаса увидела перед собой все ту же прогалину.

– По-моему, мы уже совсем рядом с Дирфилдом, – проговорила она, останавливая лошадь под густой елью и поправляя на руке перчатку. Одновременно она лихорадочно шарила глазами вокруг, ища среди темных деревьев и кустарников заломленные веточки – особенные знаки, которыми она обозначала их путь. Этой хитрости научил ее отец, когда показывал маленькой Саре, как ориентироваться в лесу. До сегодняшнего дня эта простая, но действенная система еще никогда ее не подводила.

– Мы... потерялись? – со страхом спросил Уилл, который уже все понял и был близок к панике.

– Нет, не думаю, – как можно спокойнее сказала Сара, до рези в глазах всматриваясь в полутьму. – Мы обязательно найдем дорогу. Нужно только немного подумать и сосредоточиться...

Но мертвенно поблескивающий снег и изменившиеся условия освещения сбивали ее с толку. Похоже, они были недалеко от долины, в которую они спустились, чтобы срезать путь, вот только с какой стороны? Местность, в которой они очутились, была ей совершенно незнакома. По пути к водопадам Сара запомнила несколько ориентиров, приметных деревьев, но сейчас ни одного из них не было видно. Или же она не узнавала их.

Кроме того, Сару постоянно отвлекали незнакомые звуки, раздававшиеся, казалось, со всех сторон. Возможно, это шевелились в ветвях устраивающиеся на ночлег птицы, или же пласт снега соскальзывал с ветвей на землю под собственной тяжестью, но Саре, как и Уиллу, уже представлялось, что это крадутся к ним индейцы в зловещей боевой раскраске. Правда, за три месяца, что Уилл провел в Дирфилде, военные отряды здесь не появлялись, но он «утешал» себя тем, что все когда-нибудь бывает в первый раз.

– Я уверена, что скоро мы выйдем на нужную тропу, – проговорила Сара, давая Уиллу отхлебнуть остывшего чая из своей фляги. Солдат был так бледен, что Сара без труда разглядела это даже в темноте. Ей и самой не нравилось положение, в котором они оказались, однако Саре пока удавалось держать себя в руках. Правда, она была старше Уилла, да и жизнь закалила ее характер и приучила терпеть страх и боль.

Решив, что лучше двигаться, чем стоять на месте, Сара выбрала наугад еще одну тропу, уводившую их от прогалины, но очень скоро они снова оказались на ней, правда – на другом конце. Можно было подумать, что кто-то или что-то – может быть, индейский дух леса, недовольный их вторжением, – нарочно морочит их, заставляя ходить по кругу возле одного и того же места. И Сара лишний раз убедилась в этом, предприняв еще одну безнадежную попытку.

– Ну хорошо, – сказала она, натягивая поводья. С прогалины уводили несколько троп, но они уже попробовали все, за исключением одной. До сих пор Сара пренебрегала ею, поскольку она вела на север – то есть почти туда, откуда они сейчас приехали, однако теперь у нее не осталось выбора.

– Мы поедem сюда, – сказала она, указывая рукой направление. – Даже если мы не доберемся до гарнизона, то в конце концов эта тропа выведет нас к реке, к одному из фортов или к какой-нибудь ферме. В крайнем случае мы всегда можем заночевать в лесу.

Уиллу эта идея совсем не понравилась. Ночевать в лесу без огня значило обречь себя на смерть от холода, а он был уверен, что стоит развести костер, как к их лагерю сбегутся охотники за скальпами со всей Новой Англии. Но спорить с Сарой он не стал, ибо никаких толковых предложений у него не было. Уилл уже заметил, что эта дамочка хоть и выглядит благородной, но не теряет головы и, кажется, даже не очень боится. А ведь это из-за нее они попали в такую переделку! Если бы она не торчала бог знает сколько времени у водопадов, если бы не глазела на эту свою поляну и не настояла на том, чтобы они срезали путь, тогда они преспокойно вернулись бы в Дирфилд по своим собственным следам. Это она была виновата в том, что они заблудились. И что ей дались эти водопады? Снега же и деревьев возле форта навалом! Нет, определенно, у этой миссис Фергюссон не все дома...

И все же он покорно последовал за ней, когда Сара тронула лошадь с места и стала углубляться в немой и враждебный лес, который засыпал усиливающийся снег. Уилл устал, замерз и был до полусмерти напуган. К страху быть оскальпированным прибавился страх погибнуть от холода или быть съеденным волками, и Уилл старался не слишком громко стучать зубами, чтобы, не дай господь, никто не услышал.

Сара медленно ехала по темному лесу, стараясь, чтобы юноша не отстал и не потерялся. За облаками не было видно ни звезд, ни луны, но она чувствовала, что они едут не в том направлении. К счастью, они больше не вернулись на прогалину, а значит, по крайней мере, двигались куда-то, а не кружили на одном месте. «Хорошо бы тропа вывела нас к реке», – подумала Сара, задумчиво поглядывая по сторонам. Она была уверена, что возле реки рано или поздно они отыщут какое-нибудь жилье.

Так они ехали полных два часа, а лес все не кончался, и никакой реки они не нашли. Правда, снегопад неожиданно прекратился, и в разрывах облаков проглянули мутные звезды, но к этому моменту Саре стало ясно, что теперь они окончательно заблудились. Правда, сумерки пали на землю уже больше четырех часов назад, и Сара надеялась, что полковник отправит на их поиски отряд опытных следопытов, однако она не знала, насколько может затруднить поиски свежевывающий снег. Мысль о том, что она доставляет начальнику гарнизона столько хлопот, повергла ее в отчаяние, но ночевать в лесу ей тоже не хотелось.

Подумав об этом, Сара машинально потянулась к фляге, но та была пуста. Конечно, оставался еще снег, но она не представляла, как его можно растопить в тыквенной посудине. Еды они взяли с собой совсем мало, и теперь от их запасов хлеба и сыра остались одни крошки. После того как снегопад прекратился, в лесу стало подмораживать, и теперь и Сара, и Уилл дрожали от холода, и все же Сара решила положиться на удачу и ехать дальше.

Они двигались не очень быстро, но лошади под ними уже начали спотыкаться. Прошел еще час, и Сара стала задумываться о том, чтобы остановиться и развести костер, когда вдали послышался топот копыт.

Рывком остановив лошадь, она выпрямилась в седле и прислушалась. Ошибки быть не могло – приглушенный топот копыт по снегу раздавался все ближе и ближе, и Сара оглянулась на Уилла. Солдат тоже услышал этот звук, и лицо у него сделалось таким, словно он хотел немедленно провалиться сквозь землю.

– Не бойся! – резко бросила ему Сара и, перегнувшись из седла, вырвала повод из ослабевших рук Уилла. Таща за собой вторую лошадь, она съехала с тропы, направляясь к зарослям густых кустарников. Здесь, под деревьями, было достаточно темно, и Сара надеялась, что следы не выдадут их.

Теперь Саре оставалось только горячо молиться, чтобы неизвестные всадники промчались мимо. Конечно, это мог быть отряд из форта, отправленный полковником на их поиски, но Сара почла за благо проявить осторожность и спрятаться. В крайнем случае всадников, если бы это оказались солдаты или трапперы, всегда можно было окликнуть или привлечь их внимание выстрелом из ружья Уилла. Но если это враги...

Сара была испугана не меньше Уилла, но знала, что не может дать волю своим чувствам. Она хорошо понимала, кто виноват в том, что они потерялись, и горько об этом сожалела, однако проявлять бессмысленную отвагу Сара не собиралась.

Стук копыт нарастал с каждой секундой, и лошади под ними беспокойно затанцевали и завращали глазами. К счастью, ни одна из них не заржала, и Сара принялась поглаживать свою кобылу по холке, надеясь успокоить ее.

Потом она увидела их – темные силуэты всадников, которые стремительно мчались по узкой тропе. Это были индейцы. И их было человек двенадцать. Сара поразились, как они могут передвигаться в темноте с такой скоростью – должно быть, они хорошо знали эту тропу. Впрочем, ей и Уиллу это было скорее на руку – чем быстрее мчались индейцы, тем меньше было шансов на то, что они обратят внимание на их следы.

Но не успела Сара с облегчением вздохнуть, как один из всадников что-то гортанно крикнул, и все индейцы дружно, как один, остановились. Лошади под ними храпели и приплясывали, а всадники что-то возбужденно говорили, показывая друг другу на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.